

Вольф Белов

Волчицы

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Белов В. С.

Волчицы / В. С. Белов — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Одиноки ли мы во вселенной? Быть может, иная форма разумной жизни существует не в глубинах космоса, а совсем рядом с нами, скрытая от посторонних взглядов в другом обличье.

ВОЛЬФ БЕЛОВ

ВОЛЧИЦЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАСЛЕДИЕ

«Отличительные черты волка – неукротимая свирепость, звериная жестокость и жуткая прозорливость. Его сила, хитрость и стремительность признаются невероятными, почти сверхъестественными, в нем есть что-то демоническое, адское.

Он служит символом Ночи и Зимы, Бури и Натиска, это темный и таинственный предвестник Смерти.»

М. Саммерс

Этот сон она видела постоянно. Каждую ночь, на протяжении нескольких лет, ей снилось одно и то же. Поначалу это очень пугало, но со временем стало привычным, обыденным.

Станным был этот сон. Он определенно что-то таил в себе, словно напоминал о чем-то или предостерегал. Но она была не в силах постичь суть ночных сновидений, понять их тайный смысл.

Ей виделся огромный истукан – столб в три обхвата, возвышавшийся над поляной. Пламя костров выхватывает из мрака суровый лик, высеченный в дереве. Нагие люди выплясывают вокруг дикие танцы, выкрикивая в едином ритме странные слова. И она пляшет со всеми вместе. Отблески костров на лапах громадных елей сливаются в сплошное кольцо. И земля все ближе, ближе.

В какой-то миг изменяется все мироощущение, сознание проясняется, пелена тумана спадает с глаз.

Земля совсем близко, в разверзтые ноздри врываются все запахи леса и она без труда определяет любой из них. Зрение приобретает необычайную остроту – темнота, едва разбавленная лунным светом, не может помешать различить каждую травинку. Слух улавливает даже самые тихие и далекие звуки. Все тело наливается грозной силой, которую невозможно сдержать, и в то же время ее наполняет необычайная легкость.

Словно почувствовав какой-то сигнал, она срывается с места и стремительно несется через лес. Куда? Зачем? Она не знает, да это и неважно. Главное – бежать, двигаться. Колючие ветви хлещут по телу, однако неспособны причинить боль.

Со всех сторон вокруг, совсем рядом, мелькают тени, острый дух зверя перебивает все остальные запахи. Но она спокойна и уверена. Она знает – это свои. Безудержное веселье охватывает все ее существо – радость движения. Это свобода! Это сама Жизнь!

Но в эту ночь в ее сон неожиданно ворвался страх. Страх смерти. Панический ужас сковал тело, придавил к земле. Рядом умирал кто-то из своих, а она вдруг с ужасом поняла, что осталась совсем одна. Тьма леса враждебно надвинулась со всех сторон, страх смерти и одиночества сжал сердце ледяными тисками.

Наташа проснулась в холодном поту. Девочку бил озноб, сердце бешено колотилось в груди, руки и ноги занемели. От испуга, пережитого во сне, ныл желудок. Она и сама не могла понять, что же ее так напугало, но страх, объявивший девочку во сне, не отпускал и сейчас.

Сквозь занавеску полатей, где находилась постель Наташи, проникал тусклый свет керосинки. Родители не спали. Девочка услышала раздраженный голос отца:

– Я знаю, кто ты такая, – хрипел он. – Я знаю о вас все. Отец Диомид раскрыл мне глаза.

– С каких это пор ты начал ходить в церковь? – послышался ровный голос матери. – Ты же коммунист, Савелий. Что люди скажут, если узнают? А партком?

– Ха! Ты о себе подумай! Что с тобой-то будет, если они узнают, кто ты есть такая на самом деле? Я-то хоть и коммунист, да все ж не такой нехристь.

Отец икнул. Судя по голосу, он был сильно пьян.

– Это в церкви ты так набрался? От святой воды развезло?

– А ты не шутокуй. Мне вздернуться впору, не то, что напиться. Господи! С кем жил столько времени! От кого дите родил! Я и раньше замечал – что-то в тебе не так. Сегодня отец Диомид все мне рассказал. Он тоже давно за тобой следит. Он ведь родом из тех же краев, что и бабка твоя. А ведь она не сама в прорубь нырнула. И мать твоя не случайно в бане сгорела.

– Ты ведь и раньше слышал все эти байки.

– Слышал! – рявкнул отец. – Но не мог, не хотел верить.

– Что же изменилось? Попу поверил?

– Да если б одно только это... Я видел!..

Громыкнула скамья, видимо, отец опрокинул ее, вскакивая.

– Давно уже поговаривают, что ночами серый по деревне рыщет. Я сам видел след зверя. И где, как ты думаешь?

Скамья снова загремела, очевидно, заняв свое место. Наверное, отец снова сел.

– Эх, Нюра-Нюра, – простонал отец. – Неужели все правда? Скажи честно. Мы же столько лет прожили вместе. Я ведь любил тебя. Я и сейчас тебя люблю. Но я хочу знать правду.

Повисло тягостное молчание. Наташа съезжилась за занавеской, с безотчетным страхом прислушиваясь к этой гнетущей тишине. Наконец послышался голос матери, пронизанный болью и тоской:

– Да, Савелий, все это так. Поп не солгал тебе.

– Значит и бабка твоя, и мать, и ты сама?..

– Да.

– И?..

– И она тоже.

Отец застонал.

– Господи! Да за что же мне это?! Ну как же так? Почему же ты раньше не сказала? Зачем обманула меня?

– Ты сам хотел быть обманутым. Недобрые слухи о моей родне всю жизнь ходят по деревне. Но ты не стал никого слушать.

– Не стал. Ты ведь была такой красавицей. Да и сейчас почти не изменилась. Верно говорят, что красота бабская от дьявола.

– Ну-у, куда тебя понесло. Ложись-ка ты спать, Савелий, утро вечера мудренее.

– Ты думаешь, я смогу теперь спокойно спать, зная кто ты такая?

– Мы прожили вместе столько лет, Савушка. Разве у тебя был когда-нибудь повод сомневаться во мне?

– Теперь есть. На фронте я не боялся ничего, а теперь, Нюра, боюсь. Боюсь жить с тобой под одной крышей. Боюсь засыпать...

Отец снова застонал. Послышались легкие шаги, видимо, мать подошла к нему и обняла, как всегда делала в таких случаях, чтобы успокоить. Наташа по-прежнему лежала на полотах, не решаясь выглянуть из-за занавески. Разговор родителей был ей непонятен, но душой девочка чувствовала, что все это касается и ее. А страх, тот страх, что появился во сне, не отпускал до сих пор.

– Не верь слухам, Савелий, – нежно говорила мать, успокаивая мужа. – Они не все правдивы.

– Но самое-то главное правда! Ведь все узнают, Нюра. Они придут за вами.

– Еще ничего не потеряно, Савушка. Давай уедем. Уедем к нам в Лаковку. Там никто нас не достанет.

– Хочешь заманить меня в ваше логово?! Чтобы я каждую ночь тряса от страха и ждал, когда вы разорвете мне глотку? Ну уж нет!

Снова грохнула скамья, опрокинувшись на пол. Звякнуло железо.

– Савелий, остановись! – крикнула мать. – Ты что это удумал?!

– Они все равно все узнают и придут за вами, – прохрипел отец. – Уж лучше я сам разом со всем покончу. Эх, Нюра-Нюра. Я ведь так любил тебя. Мы ведь были счастливы вместе. А теперь... Вся жизнь псу под хвост.

– Опомнись, Савелий!

Послышалась возня, грохот сдвигаемого стола. Загремел самовар, со звоном посыпалась посуда.

Наташа сжалась в комок. Ужас, смертельный ужас сковал ее тело, сдавил горло. Девочка была не в силах ни пошевелиться, ни закричать. Кошмарное сновидение воплотилось в жизнь – рядом должно было произойти что-то страшное, может быть, даже смерть, а она оказалась в одиночестве.

В какой-то миг ей почудилось звериное рычание, затем она услышала дикий вопль отца. Зазвенело разбитое окно. В избу ворвался холодный осенний ветер. Все звуки оборвал глухой удар, что-то хрустнуло.

Наташа лежала, скрючившись, боясь шевельнуться. Ее колотило от страха. Наступившая тишина все более нагоняла на девочку ужас. Наконец, решившись, она осторожно села и отодвинула занавеску.

Внутренне она уже была почти готова к тому, что увидит, и все же случившееся повергло ее в шок.

Отец сидел на коленях посреди комнаты. Все вокруг было перевернуто вверх дном. Перед отцом лежало тело матери, ее разбитая голова покоилась у него на коленях, на полу расплывалась темная густая лужа. Склонившись над телом жены, отец беззвучно плакал, плечи его содрогались от рыданий.

Словно почувствовав взгляд дочери, он поднял голову и повернулся. Осторожно сняв голову убитой с коленей, он взял топор, лежавший рядом в кровавой луже, и поднялся на ноги. Тяжелые темные капли, срываясь с лезвия топора, с глухим стуком шлепались на пол. В глазах отца горел беспощадный огонь безумия.

– Ты ни в чем не виновата, – прохрипел он. – И твоя мать ни в чем не виновата. Но так надо. По-другому нельзя. Это вина ваших прабабок, вы лишь расплачиваетесь за их грехи. Прости меня, дочка.

Пошатываясь, он направился к дочери. Побелевшая от страха, застывшая, словно мраморное изваяние, девочка смотрела на окровавленный топор в руке отца. Она не видела ничего, кроме этого лезвия, не могла отвести от него взгляд. Вопль ужаса и отчаяния комом застрял в гортани и не мог прорваться наружу.

Когда отец оказался совсем рядом, потянулся к ней и уже занес топор для удара, словно какая-то пружина распрямилась внутри. Отбросив одеяло в лицо отцу, девочка спрыгнула с полатей и метнулась за угол большой русской печи. Отец рванулся за ней, но споткнулся и замешкался. Обежав вокруг печи, Наташа выскочила в сени.

Отец догнал ее у двери, схватил за плечо и снова занес топор. Извернувшись, девочка вонзила зубы в его руку и вырвалась. Савелий сжал челюсти, скривившись от боли.

– Прорывается звериная порода, – процедил он. – Как же можно оставить тебя?..

Забившись в темный дровяник, девочка с ужасом поняла, что больше бежать некуда. Шаги отца слышались в темноте все ближе и ближе.

В дверь посыпались удары, слышались возбужденные крики. Не обращая внимания на шум, отец неумолимо приближался, занося топор. Впервые за эту страшную ночь девочка закричала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Село Огнево было довольно большим – в полтысячи дворов. Стена леса словно прижимала село к берегу и оно вытянулось вдоль реки, повторяя все ее изгибы. Сразу за рекой простирались колхозные поля и пастбища. Когда-то центром села служила церковь и прилегающая к ней площадь, где собирался народ на сход, по праздникам или в базарные дни. В этой части Огнево до сих пор сохранились просторные двухэтажные терема зажиточных некогда селян. С приходом советской власти центр жизни сместился на другой край села, где ныне находились: правление колхоза, школа, клуб и магазин.

Днем, как и всегда в эту пору, когда начиналась пахота, село словно вымирало. Колхозники выходили на поля, детвора же заканчивала учебный год в школе. Над Огнево нависала тишина, редко где гавкнет собака или пробегут стайкой мальцы дошкольного возраста.

В один из таких дней в Огнево появился человек лет тридцати пяти. Побывав в правлении, он зашел в школу, затем направился в ту часть села, где возвышалась церковь. Там он остановился перед большим двухэтажным домом, смотревшим на мир слепыми заколоченными окнами.

Дом был построен почти столетие назад, еще до советской власти. Каменный фундамент, сложенный из речных валунов, верой и правдой прослуживший не один десяток лет, почти полностью врос в землю. Бревенчатые стены слегка покосились, крыша зияла провалами. Но в целом, несмотря на почтенный возраст, дом был еще крепок.

Заколоченные досками окна и двери, заросший бурьяном и хлыстами малины и молодых березок огород, руины дворовых построек, обвалившийся забор – все свидетельствовало о том, что дом давно покинут своими обитателями.

Человек, стоявший на дороге против того места, где некогда была калитка, хорошо помнил этот дом. Несколько поколений его предков родились, жили и умерли здесь. Отсюда они уходили на войну с германцами, в гражданскую уходили в леса, уничтожая продотряды или, напротив, сражаясь с белогвардейцами и кулаками, каждый по своим убеждениям. Отсюда они уходили на поля Второй Мировой.

Время разбросало большую семью по жизни, дом опустел.

Услышав звук шагов, человек обернулся. По дороге шел косматый мужик, обросший седой щетиной. Под его распахнутой настежь залатанной в нескольких местах телогрейкой белел шерстяной свитер. Старик сильно хромал, при ходьбе он опирался на суковатую палку.

Взглянув на незнакомца, селянин хмуро спросил:

– Кого-то ищешь?

– Уже нашел, – последовал ответ.

– Ой ли? – усомнился старик. – В этом доме уж, почитай, лет двадцать, как никто не живет.

– Я знаю, дядя Степан.

Старик чуть прищурился и внимательней присмотрелся к собеседнику.

– Погодь-погодь. Что-то лицо твое мне больно знакомо... Колька! Колька Сиверцев! Мать честная, да ты ли это?!

– Я, дядя Степан.

– Вот те на! – воскликнул старик. – Я ж тебя чуть ли не мальцом помню. Вот с таких вот лет. Мы ж с батей твоим вот такие кореша были! Строев да Сиверцев два сапога – пара, так про нас говорили. Дружки были – не разлей вода. Да что говорить, сам ведь все знаешь.

– Знаю, дядя Степан. Все помню.

– Да каким же ветром тебя сюда занесло? Погостить приехал или как?

– Пока посмотреть. Скоро насовсем переберусь.

– Добро! Да чего ж мы на улице-то торчим, как бездомные? Айда ко мне!

– Да вроде неудобно как-то, – смутился Сиверцев.

– Чего тут неудобного?! Неудобно бородой задницу чесать. Мальцом-то ты у меня день-деньской ошивался.

– Так это когда было!

– А-а! Чего тут рассусоливать?! Пошли!

Старик схватил Сиверцева за локоть и потянул за собой.

– Идем посидим, поговорим хоть по-человечьи.

Оба неспешно зашагали по дороге.

– Изменился ты, Колька. Если б не был на отца так похож, я б тебя и не признал.

– Да и ты изменился, дядя Степан. Вон, седой совсем стал, белый, как лунь. А ведь лет тебе, вроде, не так уж и много.

– Много, не много, а за полтинник уж давно перевалило. Ты мои года не считай, их на небе сочтут, кому положено. Не беда, что шерсть седа, зато вся на месте. Захарка-то Афонин твой ровесник, а уж плешь во всю голову. Бабы смеются, говорят, от большого ума у него все волоса повылазили. А мы, видать, не так умны.

– Так Захар здесь? Он ведь хотел на геолога учиться, в дальние края махнуть.

– Да чего он только не хотел. До сих пор в ум не войдет. Как какую статью новую в журнале прочтет или кино в клубе увидит, так и начинает мечтать, прожекты строить. Да куда ему от своего трактора деваться, подергается пару дней и снова успокаивается. Взрослый мужик ведь, двое детей растут.

Звонко ударил колокол. Сиверцев оглянулся и удивленно спросил:

– Что это?

– Как, что? Церква звонит.

– Сколько помню, она всегда заброшенная стояла.

– Года два назад открыли. Богомольцы отвоевали. Даже поп свой есть – отец Василий. Знаешь, не терплю я этих монахов, но о нашем попе ничего худого сказать

не могу. Куда не просят, со своей религией не суется, молится себе в церкви вместе с бабками. А вообще мужик толковый, грамотный.

– Что у тебя с ногой-то, дядя Степан? – поинтересовался Сиверцев. – Чего хромаешь?

– А-а, – Строев с досадой махнул рукой. – Приезжали тут в прошлом году из города охотнички, мать их... Начальство какое-то. Всю жизнь в креслах задницы давили, а тут им вдруг, видите ли, кабанов пострелять захотелось. Упросил меня председатель сводить людей, места показать, все такое... Подсобить, в общем. Организовать им активный отдых. Так они ж, заразы, ни хрена не слушают, считают себя умнее всех. Начали палить куда ни попадя, в белый свет, как в копеечку. Вот секача-одиночку ненароком и зацепили. А тот возьми да на меня кинься. Я и развернуться-то едва успел, а уж как в сторону отпрыгнул, сам не знаю. Но все ж таки задел меня кабанчик, колено вышиб. Этих всех, как ветром сдуло, кто куда разбежались. Один даже на сосну забрался, еле сняли потом. А я, как упал, в кустах запутался и ружье-то с плеча сорвать не могу. А кабан уж снова на меня. Ладно, Егорка, племян мой, не растерялся, всадил в него заряд. Иначе не разговаривать бы мне сейчас с тобой. С тех пор вот коленом и маюсь. Зимой-летом еще ничего, а вот весной или по осени ноет, спасу нет. От сырости, что ли? Я, наверное, много болтаю, ты уж извини старика. Авдотья моя уж давно померла, царствие ей небесное, хоть я в него и не верю, насчет детей у нас с ней как-то не сложилось, а племян днем в школе, вечером с дружками шляется. Работник из меня сейчас никудышный, вот и сижу целыми днями в четырех стенах, словом перекинуться не с кем. Разве, что с бабкой Агафьей иной раз поругаемся, и то в радость. Не может до сих пор мне простить, гримза старая, что я не на ней, а на Авдотье женился.

За разговором они незаметно дошли до избы Строева. Едва зашли во двор, из будки, гремя цепью, вылезла огромная псина неопределимой породы и глухо бухнула, с недоверием глядя на гостя.

– Сиди, Серый, – успокоил сторожа Строев. – Это свой. Помнишь Белку мою, Коля? Ты еще верхом на ней катался.

– Помню, – улыбнулся Сиверцев.

– И додумался же ты, жлобина такая, на нее взобраться, – Строев рассмеялся и покачал головой. – Так это вот потомок ее. Тоже уж старый. Хороший пес, только вот в лесу от него толку никакого, ни след взять, ни зверя принести. Так всю жизнь на цепи и сидит. Ну, пойдем в дом.

Оба прошли в избу. Строев усадил гостя за стол, выставил перед ним тарелку с солеными огурцами, открыл банку килек в томате, нарезал хлеб, достал бутылку водки и две стопки.

– Я вообще-то не любитель, – предупредил Сиверцев, покосившись на бутылку.

– Так и я не любитель, но за встречу можно накатить по маленькой. Почитай, лет двадцать не виделись или около того. Как в армию тебя проводили, так и все.

– Так ведь отец с матерью сами переехали, а я после дембеля к ним махнул.

Строев наполнил стопки. Мужчины чокнулись и выпили.

– Как родители-то? – спросил Строев. – Живы, здоровы?

– Да пока все слава богу.

– Увидишь их, привет передавай.

– Да кто знает, скоро ли я их увижу. Я же, дядя Степа, здесь живу, в городе. Уж лет пятнадцать.

– Это столько лет ты здесь под боком и ни разу не навестил? – возмутился Строев.

Сиверцев виновато развел руками.

– Извини, дядя Степа, все как-то времени не было.

– А чего ж к нам решил перебраться? Аль ностальгия замучила по родным местам?

– Можно и так сказать. Работу я себе подыскал в леспромхозе. Буду лес возить. Я ведь шофер.

– Мог бы и у нас в колхозе пристроиться. Шофера и здесь нужны.

– Так ведь рыба ищет, где глубже, а человек... Сам знаешь, дядя Степа.

– И то верно. Ну а сам-то ты как? Женат уж, поди, давно?

– А как же! Жена у меня красавица. Вот сам увидишь, скоро сюда ее привезу.

Будет у вас работать?

– И кем же?

– Учительница она у меня. С председателем я уже обо всем договорился и в школе тоже. До города далековато, а тут она ко мне поближе будет.

– Не затоскует жинка твоя здесь? Городские – они изнеженные.

Сиверцев рассмеялся.

– Да не городская она. Тоже из деревни, с Рязанщины. У нас в городе училась. Там и познакомились.

– Вот ведь, как жизнь устроена, – Строев покачал головой. – Оба родились в деревне, встретились в городе и снова в деревню. Ну, расскажи хоть, как вас судьба-то свела?

– Да рассказывать тут особенно и нечего. Съездил я после армии к родителям, а потом по всей стране колесил, все искал, где получше. В конце концов снова в наших краях оказался, осел в городе. Наталья моя в то время в институте там училась. Я как раз только на работу устроился, первый день за баранку сел. Проезжал утром мимо ее института, а она на учебу спешила, прямо под колеса сиганула. Чуть ее не переехал. Еле успел по тормозам дать да руль вывернуть. Столб снес, – Сиверцев улыбнулся, вспомнив прошлое. – Ох и ругался я тогда. А взглянул ей в глаза, дар речи потерял. Много я девчат видел, но такой красивой в жизни не встречал. Ну, что? Проводил ее до дверей института, а после занятий встретил. Так вот и познакомились. Уже пятнадцать лет вместе живем.

– Ну, это еще не срок, – сказал Строев. – Дети-то есть?

– Дочь Настя. Четырнадцать лет скоро будет.

– Совсем взрослая. Вот невеста будет моему Егорке. Это племян мой, ровесник твоей дочки. Да я тебе уже говорил про него. Хороший парнишка, только вот судьба горемычная. Не шибко ласкова к нему жизнь.

– Что так?

– Сестру мою младшенькую помнишь, Василису? Это мать его. При родах померла. А отца Егоркиного лет пять назад волки задрали. Знатный он охотник был. Петр Балабанов. Да ты знал его, поди?

– Знал, конечно, – кивнул Сиверцев. – Жаль Петьку. Как же это его угораздило?

– Пошел он в одиночку на сохатого да, видно, споткнулся, упал как-то неудачно или еще что. В общем, как потом выяснили, ногу он сломал. Тут серые на него и налетели. Всего изорвали, только по берданке его и признали. У нас с Авдотьей детей нет, вот и забрали Егорку к себе. А теперь только он у меня и остался.

– Да, волков тут много, – задумчиво произнес Сиверцев.

– Не то слово, – с горечью усмехнулся Строев. – В наших краях, сам знаешь, их издавна великое множество было. Уж каждые пять лет их отстреливают, пальба стоит, как на фронте, а нет, новые плодятся пуще прежнего. И людей-то уж не стра-

шатся, иной раз ночью прямо в село заходят. Даже днем их на околице видят. А недавно появился здоровенный волчара, матерый. Я сам-то его не встречал, слышал только. У него, говорят, уши рыжие. Так этот даже на птицеферму забрался. А прошлым летом на коз напал – ребятишки их пасли, перепугались насмерть. Часто люди с ним сталкиваются. Никого, говорят, не боится, но на людей пока ни разу не напал. А все ж таки в одиночку никто в лес не ходит.

Мужчины еще раз опрокинули по стопке.

– Ты закусывай, закусывай, – сказал Строев, пододвигая к гостю тарелку с огурцами. – А ты чего возле дома торчал? Уж не жить ли там собрался?

– Угадал, дядя Степан.

– Да ты внутри-то был? Крыша в дырах, пол прогнил, в стенах щели, печь обвалилась. Все ваше семейство разъехалось, твои родители последними были. Как бабушку схоронили, так и уехали, ты уж в армии был. С тех пор там никто и не жил. Сколь лет уж прошло.

– Да, дом, конечно, надо будет подремонтировать, – согласился Сиверцев. – Ничего, справимся. А первое время в леспромхозовской общаге проживем.

– Не смейся, Коля. Видел я их халупу. Там зимой в тулупах спят, а летом не знают, куда по ночам от комаров деться. Ты когда переезжать собираешься?

– Через три дня уже надо на работу выходить. А своих думаю в начале лета привезти, как учебный год закончится. В городе придется комнату в общежитии освободить.

– Ну, вот что. Ты шибко-то не торопись. Жилплощадь в городе освободить успеешь. Я с председателем поговорю, мужиков соберу после посевной. За неделю дом твой подлатаем. Крышу перекроем, хотя бы первый этаж в порядок приведем, чтобы жить можно было. Печь я сам тебе переберу. А дальше уж своими силами со временем все подправишь.

– Да вроде неудобно как-то помощи просить. Не заслужил я таких почестей.

– Что ты опять заладил, неудобно да неудобно. С каких это пор таким скромником стал? Я ж не только о тебе, я о всей детворе нашей беспокоюсь. Учителей-то у нас шибко не хватает. Марья Федоровна не раз жаловалась. Помнишь ее? Учительша твоя ведь была. Директор сейчас.

– Да как не помнить! Я даже видел ее уже сегодня, разговаривал с нею.

– Ну вот, сам все должен понимать. Как жилье будет человеческое, так и у жинки твоей дела пойдут лучше. А иначе померзнет полгода да и плюнет на все, сбегит отсюда. Или, не ровен час, захворает она или дочка.

– А вот за это, дядя Степа, можно не переживать, – Сиверцев рассмеялся. – Здоровье у моей Натальи отменное, ни разу в жизни даже не чихнула. И дочка вся в нее.

– Раз на раз не приходится. Ну, стало быть, решено. Так все и сделаем. А потом можешь привозить своих.

Сиверцев взглянул на часы и встал из-за стола.

– Извини, дядя Степан, но мне пора. Я сюда на попутке добрался, сейчас этот парень обратно поедет, обещал подхватить меня у правления. Я еще заеду на неделе.

– Ну что ж, не буду тебя задерживать, коли так.

Строев проводил Сиверцева до калитки. Мужчины пожали друг другу руки и расстались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Каждый вечер Сиверцев возвращался из леспромхоза в свой старый дом, где к его появлению уже кипела работа. Стараниями Строева и колхозников, призванных им на помощь, дом все более обретал жилой вид. Второй этаж по-прежнему оставался заколочен, но крыша была перекрыта, стены проконопачены, а окна первого этажа сверкали новыми стеклами. Строев полностью перебрал печь и даже привез на колхозной лошадке воз дров. Кроме того, мужики восстановили забор.

Когда ремонт большей частью был закончен, Сиверцев на леспромхозовском грузовике отправился в город за семьей.

К назначенному сроку у дома собрались мужики, пришедшие помочь с разгрузкой. Ожидая новоселов, колхозники толпились у крыльца, переговариваясь меж собой.

– Дядя Степан, долго ждать-то? – спросил кто-то нетерпеливо.

Сидевший на крыльце Строев неспешно поднял голову, взглянул, прищурившись, на солнце и невозмутимо сказал:

– Жди себе. Чего торопиться? Скоро должны быть.

– Может, застряли где, – предположил тракторист Наскоков.

– Не должны, – возразил Строев. – Сейчас не распутица, дороги сухие. Не суется, покури. Подождем, чай, не под дождем.

– Да чего там! – воскликнул рыжий Борька, известный на всю округу гармонист. – Ждать – не устать! Слышь, Василич, а угощение-то будет? Никола как-то эту тему не поднимал.

– А что, «спасибо» уже не в почете? – язвительно осведомился Строев.

– «Спасибо», сам знаешь, дядя Степан, в стакане не булькает и в карман его не положишь. Кроме того, людей уважить полагается – новоселье, все-таки, соседи теперь, как-никак. С ремонтом, опять же, помогали.

– Много ты напомогал, балабол, – усмехнулся Наскоков.

Борька не успел ответить. В калитку вбежал племянник Строева Егорка и крикнул:

– Едут!

Из-за поворота показался грузовик, груженный мебелью.

– Хорош курить, мужики, – скомандовал Строев, втоптав «беломорину» в землю. – За дело.

Едва машина развернулась и заехала во двор, кузовом к крыльцу, мужики открыли задний борт. Борька тут же забрался в кузов.

Из кабины выпрыгнул Сиверцев. Махнув мужикам, он обошел кабину и помог спуститься девочке и молодой красивой женщине. Поздоровавшись с колхозниками, Сиверцев представил им своих:

– Вот она, моя Наталья. А это Настя.

– Ну что ж, давай, хозяйка, показывай, куда что нести, – сказал Строев и пошел вслед за Борькой в кузов.

Сиверцева улыбнулась и взглянула на мужа.

– Пусть Николай командует.

Мужчины принялись за работу. Шифоньер, диван, кровать и прочая мебель друг за другом перекочевывали из кузова в дом.

– Дайте и мне хоть что-нибудь унести, – с улыбкой попросила Сиверцева.

– Тут и без вас носильщиков хватает, – откликнулся Наскоков. – Вы лучше в дом идите, там хозяйничайте.

Сиверцева послушалась его совета и ушла в дом, захватив все-таки с собой коробку с посудой.

– Бог в помощь, – послышался ровный басовитый голос.

У калитки стоял мужчина в черной рясе священнослужителя. Он был высок, лет тридцати, в очках, с аккуратной рыжеватой бородкой.

– Бог-то бог, да и сам бы помог! – весело отозвался рыжий Борька.

– Отчего же не помочь добрым людям, – согласился чернец, сильно окая.

Взвалив на спину тюк с бельем, священник направился к дому. Заметив удивленный взгляд Насти, Егорка пояснил:

– Это отец Василий. Вон, видишь, церковь стоит, – Он указал на купол церкви. – Он там попом работает.

– Не работаю, а служу, – поправил парнишку священник, выходя из дома уже налегке.

Он снова направился к машине за очередным грузом.

Настя стояла у крыльца и с явным неудовольствием озиралась вокруг. Похоже, от переезда она совсем не испытывала никакого восторга.

– Меня Егором зовут, – решил завязать знакомство парнишка.

– Знаю, – без всякого энтузиазма ответила Настя. – Слышала уже.

– А ты чего такая кислая? – спросил Егорка. – Обидел кто? Или село наше не нравится?

– А чего хорошего в вашей деревне? Грязь одна, пыль да елки. Комары вон летают. И воняет. Что это? Навоз, что ли? – Настя поморщилась. – Ни театра тут, ни кино. Глухомань.

– Грязь только весной и осенью, – возразил Егорка. – Летом у нас хорошо.

– Да уж, – Настя скривилась. – Могу себе представить.

– Да ты чего?! – обиделся за свое село Егорка. – Тут знаешь, какая красотища?!

К нам даже из города туристы отдыхать приезжают. И грибы тут, и ягоды. А рыбалка какая! А кино у нас есть – кинопередвижка приезжает, каждые выходные в клубе фильмы крутят.

– Егорка! – окликнул его с машины Строев. – Хорош лясы точить! Забирай коробку.

Тем временем у забора собрались любопытные соседи.

– Глянь, Колька своих привез, – переговаривались они. – Вон дочка его стоит. Хороша девка, красавицей вырастет.

– А жинку его видали? Учительша новая. Ух, какая краля, очуметь можно.

– Ты б только на баб и глазел. Мало тебя твоя Нинка лупила!

– Глянь-ка, и отец Василий тут. Неравнодушен батюшка к делам мирским.

– Стрижет поп души заблудшие! – хохотнул кто-то.

– Окстись, охальник! – осадила дерзкого скрюченная бабка Агафья.

– Эй, дядя Степан, помощь нужна? – спросили из толпы.

– Вы б еще позже пришли, – отозвался Строев. – И без вас уже справились.

Он передал Наскокову последнюю коробку и довольно проворно спустился с кузова.

– Ну ты даешь, дядя Степа! – хохотнул Борька. – С твоей-то ногой скачешь как горный, извиняюсь, козел.

– Сам ты козел, – беззлобно огрызнулся Строев. – Брешешь без продыху, пес рыжий. Язык у тебя без костей.

Борька снова заржал.

– Спасибо, мужики, – поблагодарил помощников Сиверцев.

– Никола, обмыть бы надо, – предложил Борька. – А то не по-людски как-то.

– Само собой, – кивнул Сиверцев. – Только вечером, мужики. Часикам к семи подтягивайтесь. Все приходите! – крикнул он односельчанам, облепившим забор.

Вечером огневцы друг за другом потянулись к дому Сиверцевых. Одним из первых примчался Борька со своей гармонью.

Пользуясь теплой погодой, стол организовали прямо во дворе под открытым небом. Из досок наспех сколотили длинные столы, покрыли их скатертями и простынями.

К семи часам весь двор уже был забит односельчанами. Пришли поздравить новоселов и председатель колхоза Сергеев, и Мария Федоровна, директор школы.

Многие огневцы помнили большую семью Сиверцевых, многие в свое время учились с Николаем, вместе в детстве бедокурили. Большинство гостей пришли с подарками, бабка Агафья даже принесла гуся.

– Да куда же я его дену, бабушка?! – попробовал было отказаться хозяин дома.

Но старуха не желала ничего слушать:

– Бери, милок. Какое хозяйство без живности? Бери, не сумлевайся.

Сиверцев передал гуся жене. Попав в руки женщины, птица вдруг забила крыльями, загоготала и едва не вырвалась.

– Испугался, – объяснила бабка Агафья. – Привыкнет еще. Дай-ка, милая, я сама его в загон определю.

Строев вручил хозяину дома длинный сверток. Сиверцев развернул тряпку и извлек на свет карабин.

– Узнаешь? – спросил Строев.

– Как же, дядя Степан! Отцовский!

– Отец твой, как уезжал, просил сберечь. Вот и сохранил. Держи, владей.

– Надо ли? – скептически спросила Наталья, с неодобрением глядя на оружие в руках мужа.

– Надо, хозяйка, – ответил Строев. – В наших краях это необходимо. Места у нас глухие, а в лесах не только зайцы водятся.

– Забыла уже, кого дорогой встретили? – спросил жену Сиверцев. – Мы ведь, дядя Степан, рыжеухого видели.

– Да ну?!

– Точно. Колесо я пробил, в лесу мы встали. Только я запаску поставил, инструменты начал собирать, будто спиной почувствовал, обернулся, а он сзади на обочине стоит. Действительно серьезный зверь, матерый. Наталья вышла из кабины ко мне да Настя проснулась, он как увидел, что я не один, так и убежал.

– Вот потому ружьишко в доме никогда не помешает, – наставительно произнес Строев. – А разрешение тебе, Коля, потом участковый оформит. Бог даст, мы с тобой еще по лесу ходим.

– Никола! Чего ждем-то?! – окликнул Сиверцева из-за стола Борька. – Водка стынет!

Под общий смех все расселись за столы. Строев произнес незамысловатый тост о возвращении блудного сына в родные края, все выпили, дальше праздник новоселья покатился сам собой.

– Эх, Колька, и чего тебя в леспромхоз понесло? – сетовал Борька, опрокидывая стопку за стопкой. – У нас в колхозе, что ли, работы мало? Шел бы на трактор или хоть дояркой.

– Чего к человеку привязался? – осадил его Наскоков. – У него, может, призвание к баранке. Неважно, где работать, главное работать. Колька наш человек, пролетарий. Это ты день-деньской баклуши бьешь, только на гармошке и умеешь пили-

кать. Тебе уж сороковник скоро стукнет, а тебя все Борькой кличут, даже отчество себе не заработал. Тунядец несчастный.

– Ну, уж ты скажешь, Сидор, – обиделся Борька. – Мне вот понять охота, каким калачом его в этот леспромхоз заманили. Может, и мне туда податься?

– Да кому ты там, на хрен, нужен?

– Ну, не скажи. А вдруг кому и сгожусь. Ты смотри, Колька, пока по дорогам колесить будешь, жену-красавицу уведут.

– Не уведут, – рассмеялся Сиверцев, обняв жену одной рукой.

– Ну, чего зубоскалишь, пес рыжий? – проворчал Строев. – Лучше музыку дай народу. Играешь баско, а вот язык как помело.

Борька не заставил себя долго упрашивать. Он взял гармонь и растянул меха, пальцы его пробежали по кнопкам. Двор наполнился веселыми переливами.

Старенькая учительница Мария Федоровна разговаривала с Сиверцевой, объясняя ей особенности работы в сельской школе.

– Вы не переживайте, голубушка, – говорила она. – Легкой жизни не обещаю, но, думаю, вам у нас понравится. Оболтусов, конечно, хватает, а в целом ребята хорошие. Будете вести старшие классы. Придется и летом немного поработать, позаниматься с нашими лоботрясами, подтянуть.

– Работы я не боюсь, – сказала Сиверцева.

– Вот и славно. А вот, кстати, один из этих самых лоботрясов, ваш будущий ученик.

Рядом появился Егорка.

– Балабанов, ты «хвосты» свои думаешь сдавать? – строго спросила директор школы.

– А как же, Мария Федоровна! Обязательно! – ответил парнишка, не моргнув глазом. – Дядя Коля, можно я Настю с собой заберу?

– Куда это? – недоверчиво спросил Строев.

– Просто погуляем. Идем, Настя, я тебя с ребятами познакомлю.

Настя неопределенно пожала плечами.

– Иди, дочка, – кивнул Сиверцев. – Чего тебе тут сидеть?

– И то верно, – поддержал его Наскоков. – Успеешь еще на пьяных насмотреться.

Настя вышла из-за стола и последовала за Егором. Строев крикнул вдогонку:

– Егорка! На мельницу не ходить!

– Ладно, – отмахнулся племянник.

Строев хотел еще что-то сказать, но в этот момент Борька снова растянул меха и дурашливо заорал во всю глотку:

– Вот пуля просвистела, в грудь попа-а-ала мне-э-э!..

– Чего поешь, дурак, – Строев саданул его кулаком под ребро. – За такие песни в наше время знаешь, что было?

Борька не обиделся, снова заржал.

– Ладно, Василич, можно и другую. Специально для тебя.

И, перекрывая шум застолья, гармонист звучно запел:

– Ой тума-аны мои, растума-аны...

Что ни говори, а петь Борька умел. Голос у него был звучный и мелодичный. Песню подхватили:

– ... Уходи-или в похо-од партиза-аны,

Уходи-или в поход на врага-а-а...

Егор и Настя вышли за калитку, где их поджидали двое мальчишек и девчонка. Один из мальчишек держал на сворке лохматого щенка. Егор познакомил Настю со своими друзьями.

– А это Пушок, – указал он на щенка.

– Настоящий охотничий пес, – с гордостью добавил Костя, владелец щенка.

– Да уж! – фыркнула Оксанка. – Он даже кур боится!

– Неправда, – обиделся Костя. – Он просто маленький еще.

– Какой он славный! – восхитилась Настя.

Она протянула было руку к щенку, но тот вдруг коротко тьякнул и шелкнул зубами. Настя отдернула руку. «Настоящий охотничий пес» поджал хвост и спрятался за ноги своего хозяина.

– Чего это с ним? – удивился Санек. – Такой добродушный всегда был.

– Не укусил? – заботливо спросил Егорка.

– Да нет, – ответила Настя. – Только испугал немного. А почему дядя Степан запретил к мельнице ходить? Что там?

– Водяной с русалками, – сказал Санек без тени улыбки. – Утащить могут.

– Ну да, так я и поверила, – кивнула Настя. – Нет, я серьезно, что там такое?

– У нас там вроде клуба своего, – пояснил Егор. – Иногда там собираемся. Это старая водяная мельница, она уже давно не работает. Только она за околицей, вечером туда ходить запрещают.

– Почему? – снова спросила Настя.

– Волки, – коротко ответил Егор.

– Но мы, вообще-то, как раз туда и собирались, – сообщил Санек. – Можешь с нами. Если не боишься, конечно.

Ребята выжидающе уставились на городскую девчонку. Уже темнело, надвигалась ночь и Насте совсем не улыбалось идти на какую-то заброшенную мельницу, где вокруг рыщут стаи голодных волков. Но гордая девчонка не могла допустить, чтобы эти деревенские считали ее трусихой.

– Идем, – решительно сказала Настя.

Ребята отправились в дальний конец села. До мельницы они дошли, когда уже совсем стемнело. В темноте Настя даже не могла толком разобрать, куда ее привели.

Поддерживая новую приятельницу под руку, Егор помог ей взобраться на крышу мельницы. Остальные последовали за ними. Ребята уселись рядом на самом краешке крыши.

Стояла тишина, лишь журчала речная вода да чуть поскрипывало колесо мельницы, давно застопоренное.

– Ну и чем вы тут занимаетесь? – спросила Настя.

– Просто сидим, разговариваем, на звезды смотрим, – беззаботно ответила Оксанка.

– И страшные истории рассказываем, – добавил Санек. – Только Костя боится их слушать. Такой же, как его собака.

– Неправда! – возмутился Костя.

– Настя, а ты знаешь какую-нибудь страшилку? – спросила Оксанка.

Настя пожала плечами.

– В лагере я их много слышала, но сейчас уже не помню. Да и не люблю я их слушать. Глупости все это, детство. Скажите лучше, почему село ваше Огневым называется? Пожары, что ли, часто были?

– Да нет, – Егор засмеялся. – Пожаров не было. Огонь тут вообще ни при чем. Наше село раньше немножко по-другому называлось, просто название со временем

сократили и переделали. Мне дядя Степан рассказывал. Когда здесь люди впервые поселились, тут волков было очень много. По ночам из лесу со всех сторон их глаза светились. Потому и село назвали Волчий Огонь. А теперь просто Огнево. Но волков у нас до сих пор много. Для тех, кто в школу из других деревень ходит, даже интернат при школе организовали. Зимой они там всю неделю живут, только на выходные их домой отвозят. А иначе серые могут дорогой налететь.

– А мы сегодня тоже волка видели, – сообщила Настя. – Здоровенный такой. Я не разглядела, но папа говорит, что у него уши рыжие были.

– Да ну! – сразу оживился Костя. – А ты знаешь, что это волк-людоед?!

– Да уж не бреши! – фыркнула Оксанка. – Никого он не ел.

– Но мог бы, – не пожелал отказываться Костя от своих убеждений.

– Обычный волк, – сказал Егорка. – Просто большой очень и наглый. Да окрас необычный, приметный. Вот и плетут о нем небылицы, а ты подхватываешь.

В этот момент Пушок, сидевший у Кости на коленях, встрепенулся и затавкали куда-то в темноту. Оксанка ойкнула и испуганно прошептала:

– Смотрите.

Во тьме блеснули и погасли два огонька. Потом снова засветились, но уже ближе.

– Светлячки, – неуверенно произнес Саня, стараясь успокоить скорее себя, чем приятелей.

Но вот из-за облака выкатилась луна и осветила огромного зверя в нескольких шагах от мельницы. Волк стоял неподвижно и смотрел на ребят.

Настя машинально сжала руку Егора. Ей казалось, что зверь смотрит прямо ей в глаза.

– Это он, рыжеухий, – прошептал Костя.

– Много ты знаешь, – так же шепотом ответила Оксанка. – Когда это ты его уши разглядеть успел?

– А кто еще подойдет так близко?

– Эй! Пошел прочь! – крикнул Егорка.

Ребята присоединились к нему, пытаясь криками прогнать непрошенного лесного гостя. Волк даже не шевельнулся. Насте казалось, что зверь по-прежнему смотрит ей в глаза.

Наконец, волк попятился, потом развернулся и потрусил к лесу.

– Идем! – поднял всех Егорка. – Быстрее возвращаемся!

– А если вернется? – с опаской спросила Настя.

– Не вернется. А если что, нас много, все равно не кинется.

Всю обратную дорогу молчали. Облегчение почувствовали, лишь когда оказались в центре села и услышали переливы гармони, повествующей о печальной истории Хаз-Булата. Словно вторя рыжему Борьке, из леса донесся протяжный тоскливый вой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семейство Сиверцевых влилось в общество огневцев, скоро об их переезде перестали судачить. Сам Сиверцев бывал дома не часто, а когда возвращался из рейсов, занимался ремонтом второго этажа своего старого дома. Его жена с утра до вечера проводила время в школе. Стараниями новой учительницы «оболтусы» и «лоботрясы», как называла их Мария Федоровна, подтянулись и с успехом перешли в следующий класс.

Настя оказалась предоставлена самой себе. Целыми днями она где-то пропадала с ребятами, своими новыми друзьями. В основном они проводили все время на мельнице, купались, загорали. Саня даже научил Настю рыбачить.

Вот и в этот день ребята собрались на мельнице. Оксанка прибежала последней. Еще издали она закричала:

– Слышали новость?! Рыжеухий теленка загрыз!

Взобравшись на крышу, она принялась рассказывать во всех подробностях:

– Скотник утром ферму обходил, а ворота не закрыл. Это еще до того было, как доярки пришли. И вот рыжеухий прямо туда заскочил и теленка покусал. Скотник туда с вилами бросился и на него. А волк на него. Еле отбил. А тут доярки пришли. Рыжеухий их увидал и деру. Вот.

– Чего ж ты кричишь, что загрыз, если только покусал? – спросил Егорка.

– Ну, чуть не загрыз. Какая разница?! Председатель с участковым разговаривали, говорят, что скоро облаву на рыжеухого делать будут. И отстрел, говорят, давно пора начинать, а то расплодилось их.

– Откуда ты все знаешь? – удивилась Настя.

– Так у нее мать бухгалтером в правлении работает, – пояснил Санек. – Она всегда все новости первой узнает. Ты лучше скажи, какой фильм в клуб привезли?

– Французский, – ответила Оксанка. – «Фанфан-тюльпан» называется.

– Про садоводов, что ли? – спросил Костя.

– Сам ты садовод! Там про этих... Ну, вроде мушкетеров. В общем, на шпагах дерутся. Уже и афишу повесили на клубе.

– Ну и ладно, – сказал Егорка. – Мушкетеры, так мушкетеры. Айда купаться!

Он первым скинул штаны и рубашку и бултыхнулся в воду. Ребята последовали за ним. Пушок, оставшись один на крыше, бегал по краю и тявкал, не решаясь прыгать вслед за ребятами.

Вдоволь накупавшись, все разлеглись на крыше, подставив тела палящему солнцу. Их так разморило, что даже разговаривать стало лень. Так они провалялись до самого вечера.

Издали донеслись веселые переливы гармони и песня.

– Кто-то веселится, – нехотя произнесла Настя.

Егорка поднял голову.

– Ты что, не знаешь? – он кивнул в сторону Кости. – Его брат женится сегодня. Это свадьба гуляет.

Настя повернулась к Косте.

– А ты чего же не на свадьбе?

– Сейчас пойду, – ответил тот. – Я еще не опоздал. Пошли со мной.

– Чего мы там не видели? – отозвался Санек.

Костя потянулся, встал и начал одеваться.

– А я пойду. А то братан обидится.

– Да они там все так перепьются, что друг друга не заметят! – фыркнула Оксанка.

– Не-е, братан сразу увидит, что меня нет. Ну, пока.

Засунув Пушка в подмышку, Костя спустился вниз. Саня также начал одеваться.

– Я тоже пойду. Бабка велела огород прополоть, а я тут загораю. Если бате нажалуется – беда.

У Оксанки тоже нашлись какие-то дела и вскоре Настя с Егоркой остались на крыше одни.

– А помнишь, ты обещал меня в лес сводить, – напомнила Настя. – Бобровые хатки обещал показать.

– Сходим еще, – ответил Егорка. – Только после отстрела. Сейчас можно на рыжеухого нарваться. Хоть на людей серые пока не нападают, но все же...

– Все-таки дикие у вас места. Эх, сейчас бы к бабушке с дедушкой.

– А чего там у них?

– Там море. Черное. Они в Крыму живут. Я давно уже у них не была.

– А я вот на море вообще никогда не был. Какое оно?

Настя пожала плечами.

– Обыкновенное.

– Оно что, в самом деле черное? – полюбопытствовал Егорка.

Настя засмеялась.

– Нет, конечно. Оно зеленое.

– Как так?! – удивился Егорка. – Почему?

– Не знаю. Просто вода зеленая. Ну, не совсем зеленая, а такая зелено-вато-синяя, даже не могу точно сказать.

Егорка недоверчиво хмыкнул, а Настя продолжала:

– Если в ясную погоду с гор смотреть, оно само похоже на большой зеленый холм. А когда облака, туман, то вообще непонятно, где море, а где небо, все сливается. Как будто только небо вокруг. А сколько там медуз у берега. Знаешь, такие зонтики белые в воде. А ночью можно крабов увидеть. Это вроде раков. А знаешь, что? Поехали в следующий раз со мной!

– А можно?

– А что такого? Дядя Степан тебя, наверное, отпустит. Поехали.

– Ладно, договорились. А когда?

– Может, нынче. Или на будущий год. Посмотрим.

Набежавшие облачка закрыли солнце и Егорка предложил вернуться в село. Ребята спустились с крыши мельницы и пошли обратно. Когда они оказались возле церкви, Настя вдруг остановилась и посмотрела на приятеля.

– Чего ты? – спросил Егорка.

– А знаешь, я в церкви еще не была ни разу. Интересно, что там?

– Да ничего такого. Там бабки молятся. Ничего интересного.

– Давай зайдем, посмотрим.

Егорка лишь пожал плечами и последовал за подружкой.

Ребята вошли в церковь. Внутри никого не было. Под сводами божьего храма царил тишина. Они походили по залу, разглядывая большие иконы в серебряных окладах, перед которыми горели свечи и тихо дымились лампадки.

– А который из них Бог? – почему-то шепотом спросила Настя.

– А я почему знаю? – так же шепотом отозвался Егорка.

Послышались легкие шаги, из-за иконостаса появился отец Василий.

– Ого! – удивился он. – Не часто приходится видеть здесь пионеров.

– Мы не молиться пришли, – буркнул Егорка.

– Что же вас сюда привело, молодые люди, позвольте узнать?

– Просто посмотреть зашли. Нельзя, что ли?

Священник улыбнулся.

– Храм открыт для всех. И каковы же ваши впечатления?

– Ничего, – ответила Настя. – Красиво тут. Тихо, спокойно.

– Это храм Божий, – сказал отец Василий. – Здесь не должно быть шумно, здесь люди общаются с Богом.

– Бога нет, – авторитетно заявил Егорка.

Отец Василий снова улыбнулся.

– На это утверждение, мои юные атеисты, можно ответить одной старинной притчей. Если вам интересно, могу ее пересказать.

Егорка хотел было отказаться, но Настя его опередила.

– Очень интересно. Рассказывайте, пожалуйста.

– Извольте, молодые люди. Однажды богатый купец на базаре обратился к нищему старику, что слыл мудрецом. Люди часто обращались к старику за советом и очень уважали его. Купец же решил унижить старца в глазах толпы, загнать впро- сак своим вопросом. «Скажи, старик, что, по-твоему, есть Бог?» – спросил купец. На это мудрец ответил: «Посмотри вверх, и ты увидишь, взгляни вниз, и ты поймешь.» Купец посмотрел наверх, затем опустил глаза книзу и пожал плечами. «Я не понимаю тебя, старик.» И воскликнул мудрец: «Люди, посмотрите на этого глупца! Он смотрит на небо, но не видит солнца, он упирается ногами в землю, но не замечает этого!»

– И что это значит? – скептически спросил Егорка.

– Подумайте. На то и дана вам голова.

Парнишка пожал плечами, Настя задумалась. Глядя в их озадаченные физио- номии, священник рассмеялся.

– В вашем понимании Бог – это некто, восседающий на небесах, – произнес отец Василий. – Но прежде всего он в сердцах людских. Это то доброе, светлое, что у человека в душе. Каждый понимает Бога по-своему, каждый во что-то верит. Даже атеисты.

Егорка недоверчиво хмыкнул и взглянул на подружку, словно предлагая ей заканчивать эту экскурсию. В стенах церкви он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Отец Василий понял это и сказал:

– Ну, не смею вас задерживать, молодые люди. Вижу, вас еще ждут дела.

Воспользовавшись его словами, Егорка схватил подружку за руку и вытащил ее на улицу. Настя едва успела попрощаться.

Выйдя из церкви, Настя хмыкнула и сказала:

– Чудной он, этот поп.

– Чудной, – согласился Егорка. – Это, наверное, от большого ума. Дядя Степан говорит, что отец Василий шибко грамотный. А вообще-то он действительно очень умный, на селе его уважают.

За разговорами ребята незаметно дошли до Настяного дома. Договорившись встретиться завтра, они расстались, Егорка пошел к себе.

Уже второй день Наталья Сиверцева чувствовала себя неважно. В теле была странная слабость, то и дело поднималась температура, кружилась голова. За всю жизнь она даже не чихнула и неожиданное недомогание воспринималось ею довольно болезненно. Тем не менее, она упорно не желала оставлять школьные заботы. Мария Федоровна, понаблюдав некоторое время, как новая учительница пытается взять себя в руки и справиться с недугом, в конце концов, отобрала у нее все журналы и личные дела учеников и отправила ее к доктору.

В просторном чистом доме, где располагалась сельская больница, стояла тишина. Сиверцева прошла по коридору.

– Есть здесь кто живой? – громко спросила она.

Откуда-то из конца коридора послышался мужской голос:

– Вы на прием?

– В общем да.

– Обождите минуточку. Зайдите пока в смотровую. Я сейчас.

Сиверцева зашла в смотровой кабинет и села к столу. Через пару минут появился доктор в белом халате. Это оказался молодой человек, видимо, совсем недавно окончивший медицинский институт.

– Здравствуйте. Извините, что заставил себя ждать, был занят в лаборатории. Сестры на свадьбу сбежали, я тут один остался.

– Ничего, – улыбнулась Сиверцева.

– А я вас что-то раньше не видел. Как вас зовут?

Сиверцева представилась.

– О! – воскликнул доктор. – Так вы новая учительница! Наслышан о вас! Рад знакомству. А я Вячеслав Петрович Поковский, местный Айболит. И как это вас угораздило в такую глухомань забраться? Не скучно здесь?

Сиверцева рассмеялась.

– Я родилась в убогой деревеньке на двадцать дворов, где об электричестве только слышали. Так что Огнево для меня совсем не глухомань. Есть места и подремучее.

Доктор покачал головой.

– Похоже, для всех это село – центр цивилизации. Один я не могу от города отвыкнуть, все маюсь.

– Зачем же вы сюда приехали?

– Так меня ведь никто не спрашивал. Послали и все. Распределение, знаете ли. Кому-то повезло попасть в городскую клинику, где и медперсонал, и оборудование, и все такое прочее, а мне вот досталась эта избушка на курьих ножках. Ой, что-то я вас совсем заговорил, вы уж простите ради бога. Вы же сюда не так просто пришли, поболтать со мной. Так, – Поковский шутливо придал своему голосу строгий профессиональный тон. – На что жалуемся?

Сиверцева рассказала о своем недомогании. После тщательного осмотра доктор повесил фонендоскоп на шею и пожал плечами.

– Могу вас успокоить, ничего страшного. Давление в норме, хрипов не слышно, сердце работает отменно. Тошноты не было? Болей в животе?

– Нет.

– Очевидно, легкая простуда.

– Летом? – удивилась Сиверцева.

– А что вас так удивляет? Между прочим, летом простудиться гораздо проще, чем зимой. Особенно вот в такие жаркие дни. Организм, знаете ли, расслабляется, допустим, выпили холодного молока или ноги у колодца поутру промочили или еще что и вот вам, пожалуйста. Перепад температур сделал свое дело. Бывают еще осложнения запоздалые. Вы гриппом зимой болели?

– Да я, честно говоря, вообще никогда ничем не болела.

– Так не бывает, – не поверил доктор.

– Значит, бывает.

– Да нет же, такого просто не может быть. Каждый человек хоть когда-нибудь, хоть чем-нибудь, но должен переболеть, просто обязан. Хотя бы в детстве. Корью там, скарлатиной... Ну, хотя бы ангиной.

Сиверцева лишь пожалала плечами.

– Что?! Не было?! – изумился Поковский. – Ну и ну. В первый раз вижу человека, который никогда не болел. Ну, если уж на то пошло, раз вы столько лет провели в добром здравии, то уж теперь-то можно и похворать чуть-чуть. Но только чуть-чуть.

Доктор подошел к стеклянному шкафчику, вынул оттуда упаковку таблеток.

– Вот. Если температура снова поднимется, попринимайте аспирин. И советую держаться в тепле. Хоть и лето на дворе, но все же.

Сиверцева пожала плечами.

– А я, признаться, тепла не люблю. Ночью всегда при открытых окнах сплю, до самых морозов. Да и одеваться предпочитаю по-легкому. Зимой даже шарф не могу носить, слишком жарко, душит. А уж свитер или носки шерстяные...

Сиверцева постеснялась сказать всю правду. В последнее время она настолько страдала от чересчур теплой погоды, что не могла спать иначе, как абсолютно нагой, лишь укрывшись простынкой. В противном случае не спасали даже открытые окна, ей было слишком душно и уснуть она не могла.

Доктор задумчиво посмотрел на свою пациентку и потер рукой подбородок, теребя несуществующую бороду.

– Занятный вы человек, Наталья Савельевна, просто удивительный. Никогда не болели, холода не боитесь. Вы, случайно, моржеванием не занимаетесь? Может быть, в проруби зимой купаетесь?

– Ну нет, – Сиверцева рассмеялась. – Это было бы уж слишком.

– А что? Считается, что это отлично укрепляет здоровье. Хотя, конечно, лично я нырнуть в прорубь не рискнул бы. А знаете, Наталья Савельевна, я пишу научную работу, провожу, так сказать, исследования в области гематологии. Вы не будете возражать, если я возьму у вас кровь на анализ? Заодно проверим наличие вирусов и группу установим на всякий случай.

– Пожалуйста, – согласилась Сиверцева.

– Вот и отлично! Люблю иметь дело с образованными людьми. Местное население к моим исследованиям относится с недоверием, а бабка Агафья даже упырем меня называет. Вот закончу свою работу, тогда, может, и выберусь из этой дыры. Прошу прощения. Не хочу никого обидеть, но деревня меня гнетет, я человек сугубо городской. Ну, пойдёмте в лабораторию.

Болтливый доктор задержал Сиверцеву в больнице до самого вечера. Впрочем учительница и сама не спешила. Муж снова уехал в рейс, а дочка обычно гуляла с приятелями допоздна.

Домой она возвращалась уже с заходом солнца. Издалека слышались звуки гармошки, сыпались озорные частушки. Свадьба гуляла вовсю.

В ближних дворах загавкали собаки. Уже открывая калитку, Сиверцева почувствовала на себе чей-то взгляд. Она обернулась и вздрогнула. Посреди улицы стоял крупный зверь. Несмотря на густые сумерки, Сиверцева сразу узнала его. Это был тот самый волк с рыжими пятнами за ушами, что встретился им в лесу при переезде и о котором ходило столько недобрых слухов по округе.

Сиверцевой показалось, что волк смотрит прямо ей в глаза. Поза его была напряженной, он словно ждал чего-то.

– Эй, ты! – тихо окликнула его Сиверцева. – Уходи.

К ее удивлению, волк послушался. Он попятился, потом развернулся и трусцой побежал вдоль по улице.

Сиверцева бросила тревожный взгляд на дом и вздохнула с облегчением. В половине дочери горел свет, Настя была дома.

Издалека донесся протяжный тоскливый вой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Она притаилась под кустом черемухи, прислушиваясь к ночи. Все вокруг было странно знакомо и в то же время абсолютно чуждо. Она не знала, как оказалась здесь, в память врезался лишь стремительный бег сквозь ночь леса да огромный истукан на поляне. И это щемящее чувство страха, будто только что вырвалась из когтей смерти. И больше ничего, черная тревожная пустота.

Откуда-то издали доносились человеческие голоса, много голосов. Им сопутствовал непонятный звук, ни одно живое существо не могло издавать такие вопли и визг.

Неизвестность пугала. Но лютый голод терзал внутренности, Она не помнила, когда ела в последний раз. Казалось, что вообще никогда. И Она решилась.

Она поднялась и осторожно вышла из своего укрытия. И это ощущение движения тоже показалось необычным. Что-то неестественное и в то же время привычное чувствовалось при ходьбе.

Кругом было пустынно, ни одной живой души. Все так же осторожно ступая, Она направилась вперед.

Странная двойственность ощущений раздражала. Она будто бы впервые попала сюда, однако же все вокруг было знакомо. Она знала точно, здесь живут люди – странные существа в нелепых шкурах, передвигающиеся на задних лапах. На ночь они прячутся в своих бревенчатых берлогах, что высятся вдоль дороги. А вот здесь, за этим забором, обитает жалкое подобие Ее свирепых предков.

И точно, из-за глухой ограды послышался собачий лай. Он был не злобный, скорее испуганный. Псиная тьякала не от ярости, а от страха, она звала людей. Собака чужала дух истинного зверя, сильного и свирепого, дух самого леса, его темных жутких дебрей.

Она презрительно оскалилась и зашагала дальше. Уши еще настороженно ловили каждый звук, но Она уже чувствовала себя хозяйкой этих улиц, погруженных во тьму. Встреча с псиной ободрила Ее, вселила уверенность и спокойствие. Ее боялись. И всюду, где она проходила, из-за заборов слышались скулеж собак, испуганное мычание коров, визг свиней. Бестолково кудахтали куры, блеяли овцы и козы. Все чужали хищника, лютого зверя, злобное порождение леса.

Голод грыз желудок, но Она не спешила. Жертвы никуда не денутся, надо сперва осмотреться.

Она мощно втянула ноздрями воздух. Там, за оградами, Она чужала живую кровь, мясо. К аппетитным запахам живой плоти примешивался еще один, витающий в воздухе. Запах зверя. В нем казалось что-то знакомое, родственное. И все же он был другой, столь же чуждый, как все вокруг.

Ветерок донес смесь неприятных запахов, послышались шаги. Она повернула голову. Прямо на нее шел человек. И он не боялся Ее. Не зная, чего ждать от этой встречи, Она предпочла уступить ему дорогу и отступила в темноту.

Человека сильно шатало. Когда он подошел совсем близко, вонь, разившая от него, стала нестерпимой для Ее чуткого обоняния. Она спрятала нос в траву. И вместе с тем Ей подумалось, что и в этом отвратительном запахе есть что-то знакомое.

Человек уже прошел было мимо, но вдруг остановился посреди дороги. Икнув, он ни с того, ни с сего заорал во всю глотку. Подпрыгнув, он нелепо задергался, ударяя себя руками по груди и ногам. Снова икнув, человек оборвал свои вопли и побрел дальше.

Она вышла из своего укрытия. Спазмы голода снова скрутили брюхо. Да, мясо было совсем рядом, только прыгни за ограду и можно утолить лютый голод. Она не боялась ни собак, ни, тем более, других животных, обитавших во дворах. Это Ее боя-

лись. Но люди... Она не была готова к встрече с ними. Двуногие существа не опасались Ее, возможно, от того, что не чуяли, как другие. Неизвестно, чего можно ждать от них. Конечно, Она могла бы одним ударом лапы вышибить дух из того нелепого человечка, что недавно проковылял мимо. Но что-то пока удерживало Ее от этого. Что-то такое, чего Она сама не могла понять.

Сглотнув слюну, Она трусой припустила вперед, туда, откуда волной накатывали знакомые запахи леса.

Все сильнее ощущался дух родственных зверей. Выйдя за околицу, она увидела их. На опушке стоял крупный волк, еще несколько притаились парами за елями чуть поодаль, так, что сразу их было трудно заметить. Но Она заметила.

Волки несомненно ждали Ее. Они давно учуяли зверя более могучего и свирепого, чем они сами, сохранившего всю свою первозданную грозную мощь.

Она остановилась за околицей, разглядывая лесных хищников. Да, это были они, Ее родственники, но какими жалкими они казались, немногим лучше псов. Она не чуяла в них той силы и уверенности, что сохранилась в Ней самой от далеких предков.

Волки в нерешительности топтались на месте. Они не спешили уходить, но и не проявляли желания к общению. Они чувствовали Ее свирепую мощь и явно боялись исходившей от Нее угрозы.

Она поняла, даже для этих своих дальних родственников Она чужая. Она чужая самому этому миру. Всюду Ее появление вызывает лишь дикий ужас, все живое трепещет перед Ней. Ей нет равных, но нет и родственной души. Она одинока. Как, почему Она оказалась здесь? Где Ее племя? Где те гордые, свирепые создания, хозяйева леса, что совсем недавно, как казалось, были рядом? Ответа не было.

Осознание всей глубины своего одиночества, пришедшее внезапно, болью прожгло мозг. Она вытянула морду к небу, из глотки вырвался протяжный низкий вой. Боль, обида, тоска одиночества, призыв к покинувшим Ее сородичам – все слилось в этом вое. От жуткого звука содрогнулось все живое, казалось, даже луна затрепетала от ужаса.

Волки заволновались, шерсть на их загривках вздыбилась. Этот вой сказал им о многом. Она действительно была им чужой и в Ее голосе явно слышалась угроза всему живому, и им в том числе. Перед ними стоял лютый хищник, которому нет равных по силе и злобности. Волки попятились вглубь леса, поджав хвосты. Они опасались поворачиваться к Ней спиной. Лишь скрывшись от Ее глаз под защитой густых зарослей, волки развернулись и бегом бросились в чащу. Их гордый вожак ушел последним.

Она тряхнула головой и повернула обратно в село. Улицы по-прежнему были пустыни. И все так же по-прежнему откуда-то издалека доносился гомон множества человеческих голосов.

Вдруг откуда-то из подворотни навстречу Ей с громким лаем выкатилась собака. Псина, видно, была еще слишком молода и не придавала значения тому, что уже давно учуяли другие. Что ж, дворняга мгновенно поплатилась за свою безрассудную храбрость.

Мощным рывком Она бросила вперед свое массивное тело. Собака лишь успела коротко взвизгнуть, крепкие челюсти сомкнулись на ее горле.

Вкус крови опьянил Ее. Прижав жертву лапой к земле, обезумев от раздрающего брюхо голода, Она рвала кусками теплую плоть, спеша насытить желудок.

Но голод, лютый голод по-прежнему терзал Ее. Он словно пришел из глубины веков и настойчиво требовал крови. От глупой псины уже остались лишь хвост да

раздробленный череп, а спазмы все так же скручивали брюхо. Нутро горело, все Ее существо требовало крови.

И Она решилась. Перемахнув через ближайшую ограду, она взобралась на крышу хлева. Изнутри слышалось тревожное мычание и повизгивание. Обитатели хлева переполошились, почуяв, что свирепый хищник ломится к ним.

Запах живой плоти пьянил, а незатухающее чувство голода сводило с ума и придавало упорства и сил. Словно обезумев, Она яростно разбрасывала солому с крыши овина, скребла когтями, пытаясь вырвать доски, даже пробовала прогрызть их зубами. Она металась по крыше в поисках лазейки. Наконец, в одном месте подгнившие доски не выдержали тяжести Ее массивного тела и Она рухнула вниз.

Даже не дав себе отдышаться, Она вскочила на ноги. Рванув зубами попавшую под ноги свинью, Она проглотила теплый сочный кусок, даже не прожевав. Тут же одним ударом лапы перебив хребет козе, Она метнулась дальше, к стойлу. Мощный прыжок, и клыки вонзились в шею коровы. Толчок был столь сильным, что животное упало, подломив под себя передние ноги. Жалобно мыча, корова трясла головой, пытаясь рогами сбросить хищника.

Она раздирала еще живую плоть, спеша утолить голод, избавиться, наконец, от жутких спазмов. А ненасытное брюхо требовало еще и еще.

Она совсем обезумела от пьянящего вкуса крови и все же вовремя услышала человеческие голоса. Люди услышали призыв своих питомцев и пришли им на помощь. К встрече с ними Она еще была не готова. Пора было уходить.

Когда ворота хлева распахнулись и появились несколько человек с фонарями, Она молнией метнулась вперед. Сбив кого-то с ног, Она скрылась во тьме.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Егор прибежал спозаранку.

– Настя, пошли! – крикнул он, брякнув в окно.

Открыв створку, Настя выглянула наружу. Сонно моргая, она с недоумением спросила:

– Что случилось?

– Что, что, – передразнил приятель, – Тут такие дела творятся, а ты дрыхнешь! Одевайся скорее!

– Да что случилось-то? Скажи толком.

– Ночью рыжеухий в селе лютовал! В дом забрался! Там сейчас все на сход собрались, решают, что делать!

Это действительно было событие. До сих пор пресловутый рыжеухий хищник совершал набеги только на колхозные фермы и выпасы, в дома он не совался. Настя быстро оделась и выпрыгнула в окно. Проснувшаяся мать, выглянув на улицу, окликнула ее, но ребята уже умчались.

С раннего утра у дома Цыбиных толпился народ. В безветренном воздухе висел густой табачный дым и гомон множества голосов. То и дело слышался отчаянный вопль Марии Цыбиной, хозяйки дома:

– Ведь разорил, ирод! Уничтожил! Всю живность перерезал!

Бабы сочувственно причитали, мужики сокрушенно качали головами. Скуповатых, прижимистых Цыбиных на селе особо не жаловали, были они люди себе на уме, гребли под себя. Но такое несчастье могло случиться с каждым, поэтому никого не оставило равнодушным.

Сам Цыбин, огромный детина с опухшим от ночных возлияний лицом, матерясь чуть не через каждое слово, в десятый раз пересказывал односельчанам происшествие во всех подробностях:

– Мы вон с Петрухой со свадьбы возвращались, блин. Ну, блин, у Верховцевых вчера, ядрена кочерыжка, свадьбу гуляли. Да че, блин, сами же вчера все там были. Ну вот, идем это мы с Петрухой-то, на хрен, домой. Баба моя, блин, тоже где-то сзади там плелась. Мы уж из-за стола-то последними вылезли. Ночь уже была. Да какая, на хрен, ночь, утро уже. Ну скажи, Петро! Короче, темно было. Подходим, значит, а тут, мать-перемать, шум, визг, Чернушка орет благим матом. Мы, блин, колья в руки, я фонарь зажег. Открываем ворота, а там, ...твою мать. А оттуда волчара. Меня с ног сшибил и через забор к ядреной фене. А в хлеву кровящи! От всей живности одна курица осталась. Всех перерезал, сволочь. Да ты глянь, глянь, корове всю спину и бока в клочья порвал. И крышу в хлеву всю разворотил. Михеев, блин, сейчас там все осматривает. А че, на хрен, там смотреть-то, ...твою мать. Давно, блин, пора облаву сделать, кончить этого рыжеухого.

Со двора вышел участковый милиционер, лейтенант Михеев. Он задумчиво теребил козырек фуражки. Мужики обступили стража порядка.

– Ну, чего там?

– Как чего? – лейтенант пожал плечами. – Известное дело. Волк, он и есть волк.

Пришел, увидел, наследил.

– Ты свои прибаутки брось. Тут дело-то серьезное.

– Дело серьезное, – согласился милиционер. – Но, честно говоря, граждане, совсем не в моей компетенции. Поимка диких животных в мои обязанности не входит. Для них статью в уголовном кодексе не предусмотрели.

– Да какая статья, блин! – возопил Цыбин. – Ты власть или не власть?! Ты, ядрена вошь, защищать обязан! Ты закон иль нет?! Нету такого порядка, чтобы честных людей разорять!

Появилась группа мужиков с ружьями, толпа заволновалась. Это были одни из лучших охотников Огнево, опытные, бывалые люди. Они прошли по следу ночного хищника и теперь народ обступил их, желая узнать новые подробности. Следопыты не стали мучить односельчан ожиданием.

– Двое их было. Видать, с подругой приходил. Она его за околицей ждала, на опушке. Тоже здоровая зверюга.

– Дождемся, блин! – снова возопил Цыбин. – Они всей кодлой сюда ворвутся! Сколько раз уж эта сволочь рыжеухая на фермы нападал, на выпасы! Скоро весь скот перережут, а потом, мать их так, за людей примутся. Чего ждем?! Берем стволы и в лес!

– Ты тут подстрекательством не занимайся, – осадил его лейтенант. – Наказуемо. Вон председатель едет, пусть он и решает, что делать.

– Чего тут решать? – загудели мужики. – Цыба дело говорит. За околицу уже выйти страшно!

К дому Цыбиных подкатил председательский «ГАЗик». Едва сам председатель вылез из машины, его окружила толпа. Михеев коротко изложил ситуацию.

– Ну, что, Андрейч, отстрел делать пора, – потребовали колхозники. – Совсем серые лотовать начали. Давно уж такого не случилось.

Сергеев наморщил лоб. Он и без мужиков знал, что за последнее время произошло что-то неладное. Популяция волков в округе резко возросла, участились нападения на колхозный скот, теперь вот и до частных серые добрались, во дворы

полезли. Районное руководство до сих пор игнорирует эту проблему, за все приходится отдуваться ему, председателю.

А народ волновался.

– Чего молчишь-то, блин! – воззвал к председателю Цыбин. – Облаву, на хрен, давай, отстрел!

– Без санкции руководства, я не могу дать разрешение на отстрел, – сказал председатель.

– Да на хрена нам санкции эти?! – загалдели колхозники. – Не их в задницу кусают. Пока ждать будем, серые вовсю по селу гулять начнут.

– Ладно-ладно! – председатель замахал руками, словно отбиваясь от наседавших на него мужиков. – Уборочная начинается, как закончим, так начнем отстрел.

– А пока пусть серые гуляют, наших детей режут?! – взвизгнула одна из баб.

– Верно! – поддержала толпа. – Почти все целыми днями на полях, в селе одни ребяташки остаются да старики. Случись что, из-за реки и на помощь прибежать не успеем.

– Раньше никак, – ответил Сергеев. – Не можем же мы уборочную срывать. Государство дало план, его надо выполнять.

Опять поднялся шум, колхозники явно остались недовольны решением председателя.

– И все! – отрезал Сергеев. – Предупредите детей, чтоб за околицу не бегали, особенно вечером. Днем здесь есть, кому за порядком следить, – он кивнул на Михеева. – На ночь можем организовать патруль из добровольцев. Хватит разговоров! Давайте все на работу. Рабочий день давно уже начался.

Председатель сел в машину и уехал. Колхозники еще немного пошумели и начали расходиться.

Настя с Егоркой переглянулись.

– Что делать будем? – спросила Настя.

– Пошли к ребятам, – предложил Егорка.

– Да вон они, уже здесь.

И точно, к ним подбежали Оксанка, Санек и Костя со своим «настоящим охотничьим псом».

– Слышали? Видели? – забросала друзей вопросами Оксанка. – Никогда такого не было, да?

– И чего председатель с отстрелом медлит? – недоумевал Костя.

– Чего, чего, – передразнил его Санек. – Думаешь, простое дело такое? Сколько времени займет. А кто на полях работать будет, если все в лес уйдут?

– Айда на мельницу, – предложил Егорка.

– Никаких мельниц, – строго прозвучало сзади.

Ребята обернулись. Перед ними стоял Строев.

– Али не слышали, что председатель сказал? – сурово продолжал дядя Степан. – За околицу ни ногой. А теперь марш отсюда! И чтоб до сумерек все по домам, до ночи не шляться!

Ребята убежали. Цыбин, увидав Строева, подошел к нему.

– Вот ить, Василич, беда какая приключилась, блин. Совсем рыжеухий озверел.

– А чего ж псина твоя делала? – спросил Строев. – Она ж у тебя здоровая, как теленок.

– Да хрен ее знает! Забилась куда-то, сука, даже не гавкала. Потом только высунулась.

– Ну-ну, – пробормотал Строев и, не прощаясь, захромал прочь.

– А может, это... По стаканчику! – крикнул вслед Цыбин. Строев, не оборачиваясь, махнул рукой.

– Вот ить, – развел руками Цыбин. – Никому, блин, чужое горе не интересно, мать их так.

Опираясь на свою суковатую палку, Строев задумчиво шагал по дороге. Для него в ночном нападении было много неясного. Прежде всего, необычно, чтобы волки летом нападали на жилища людей. Такое случалось только в голодные зимы, да и то серые хищники не осмеливались так далеко проникать в село. Не давали покоя Строеву и следы, оставленные ночным зверем. Старый опытный охотник увидел то, чего не заметили другие.

Зверь был необычен. Несомненно, в село приходил волк, но какой огромный. Его след был слишком велик и глубок. Да и крыша хлева, пусть и подгнившая, могла проломиться разве что под медведем.

Строев прошелся по следу до самой опушки леса и отметил много странностей. Волк пришел не из леса, во всяком случае, не с этой его стороны. След хищника обрывался на краю села и в лесу больше не повторялся. И на опушке топтался не один волк, они пришли целой стаей и пришли не с ним. Более того, они были напуганы этой встречей. Волки прятались в зарослях, а потом долго пятились, не решаясь подставить зверю спину. Но зачем волки пришли на опушку? Что заставило их летом собраться в стаю? Страх? Или что-то еще? Это было очень странно.

И в селе необычный волк не ограничился нападением на скотину Цыбиных. Строев обнаружил кровавое пятно и клочки шерсти, а поискав по округе, нашел и останки, которые уже успели растащить собаки. Волк загрыз большого пса, но теперь, по обглоданным собаками костям, Строев не мог определить размер его зубов. Следы зверя обрывались в районе церкви, слишком много народа натоптало с утра и проследить дальнейший путь волка стало невозможно.

Строев еще ни разу не встречался с рыжеухим волком, но, судя по всему, если в село приходил именно он, этот зверь был крупный и кровожадный.

Несмотря на запрет, все утро ребята провели на мельнице. Купаться не хотелось, они просто сидели и разговаривали, обсуждая ночное происшествие.

– Дядя Степан говорит, что по свежему следу любого зверя найти можно, – между прочим заметил Егорка.

– Что ж тогда рыжеухого никто не ищет? – с ехидцей спросила Оксанка.

Егор пожал плечами, а Санек сказал:

– Мужикам сейчас некогда. Слышала ведь, председатель никого не отпускает. Дядя Степан мог бы, но он хромой. Кому за рыжеухим идти? Разве что только нам.

Егорке эта мысль неожиданно понравилась.

– А почему бы и нет, – сказал он. – У меня ружье есть.

– Ты серьезно? – спросила Настя.

– Вполне.

– А след-то сможешь взять? – опять с ехидством спросила Оксанка. – Ты ж не собака.

– Собака у нас есть, – сказал Санек, указав на Пушка.

Оксанка расхохоталась.

– Далеко же вас этот волкодав заведет, – сказала она сквозь смех.

Настя тоже не смогла удержаться от смеха, настолько нелепым казался Пушок в роли охотничьей ищейки.

– Ничего смешного, – оскорбился Костя. – Он, если хотите знать, любой след взять может.

– Ну, тогда пошли, – сказал Саня и подтолкнул Егорку. – Ты еще не передумал?

– Айда, – ответил тот, поднимаясь. – Ко мне зайдем, надо ружье взять. Только бы дядя Степан не заметил.

– Идем!

Мальчишки встали вслед за Егоркой.

– Да вы что?! – воскликнула Настя. – Психи, что ли?! Совсем рехнулись?! Немедленно вернитесь!

– Не бойся, – Оксанка махнула рукой. – Никуда эти охотнички не денутся. Потопчутся на опушке и по домам разойдутся. Эта овчарка лопухая первой в село прибежит.

– Поглядим, – буркнул Егорка и, не желая вступать в дальнейшие пререкания, первым спустился с крыши.

– Дураки они совсем, что ли? – волновалась Настя. – Пропадут ведь, ненормальные.

– Пошли с ними, посмотрим на этих балбесов, – предложила Оксанка. – Все равно заняться больше нечем.

Через двадцать минут все пятеро уже были на опушке леса, там, куда ночью приходили волки.

– Искать надо отсюда, – сказал Егорка.

– Ищи, Пушок, ищи, – принялся уговаривать своего пса Костя.

Тот потянул ребят в чащу, то ли действительно взяв след, то ли только делая вид.

– Не заблудимся? – с опаской спросила Настя, когда лес обступил их со всех сторон.

– Нет, – уверенно ответил Егорка. – Не бойся.

Долгое время ребята кружили по лесу, следуя за собакой. Наконец, когда они оказались на краю болотца и под ногами захлюпало, Саня начал подозревать Пушка в халатности.

– Слушай, твоя собака точно знает, что делает? – спросил он Костю.

Тот пожал плечами.

– Может, вернемся, – предложила Оксанка.

– Испугалась уже, – усмехнулся Санек.

– Вот еще. Просто, чего зря ходить? Охотнички из вас...

– Не нравится, уходи. Никто не держит.

– Да вы посмотрите на этого пса, – не унималась Оксанка. – Он же просто так гуляет, а вы, как дураки, за ним носитесь.

– Не мешала бы ты, Оксанка, – сказал Егор. – Орешь на весь лес. На охоте не шумят.

– Так то на охоте. А вы просто так бродите, сами не знаете, что ищете.

Егорка хотел было ответить что-то нелестное, но в этот момент Настя вцепилась в его плечо и сдавленно прошептала:

– Смотрите.

Проследив ее взгляд, ребята увидели зверя, стоявшего на пригорке между елей шагах в тридцати от них. Это был волк. Пушок, заметив хищника, испуганно тявкнул. Волк даже не пошевелился.

– Это он, рыжеухий, – прошептал Костя.

– Похож, – согласился Саня. – Вон какой здоровый.

– И что теперь делать? – спросила Настя, пытаясь сдержать предательскую дрожь в коленях.

– Егорка, ну чего ты стоишь? – так же испуганно прошептала Оксанка. – Ну сделай же что-нибудь.

– Не канючь, – спокойно ответил Егор, осторожно снимая с плеча двустволку. – Сейчас я его сделаю.

Но в этот момент Пушок дернулся, увлекая за собой на сворке Костю, тот толкнул Егорку. Потеряв равновесие, Егор зацепился ногой за корягу и упал, ткнув ружьем в землю.

– Вот черт! – ругнулся парнишка.

Он заглянул в стволы, оба дула были забиты болотной грязью.

– Не можешь стоять спокойно, балбес! – набросился он на Костю. – Что я теперь делать должен, по-твоему?

Волк по-прежнему стоял на пригорке, возня ребят его ничуть не взволновала. Но вот он шевельнулся, словно собираясь спуститься вниз и идти к ним.

– Стреляй, Егорка! – взвизгнула Оксанка.

– Из чего? Хочешь, чтобы мне башку снесло?

Волк снова замер. Насте показалось, что лесной хищник смотрит прямо ей в глаза, ожидая чего-то именно от нее. Зверь и ребята некоторое время смотрели друг на друга. Молчание прервал Пушок, снова тявкнув. Волк тряхнул головой и скрылся с другой стороны пригорка. Все вздохнули с облегчением.

– Говорила же, пошли домой, – пробурчала Оксанка. – На охоту они пошли. Тоже мне, охотнички. А собака твоя вообще волка самой последней заметила.

Сзади хрустнула ветка. Ребята в один голос вскрикнули от неожиданности. Обернувшись, они увидели Строева.

– Ну и чего это мы тут шляемся? – сурово спросил он.

– Мы это... за малиной пошли, – неуклюже попытался оправдаться Саня.

– Ага, за клюквой, – добавила Оксанка.

– А ягоды в двустволку складывать собирались? – поинтересовался Строев. – Какой леший вас сюда понес? Хорошо, что Агафья всю вашу компанию засекла, мне сообщила. Насилу вас нашел, напетляли, словно зайцы. Совсем вы ошалели, что ли? Чего, спрашиваю, вас сюда понесло? Предупреждения не слышали? Я же сам вам говорил, чтобы за околицу не совались. А вы вон аж куда уперлись! Охотнички, мать вашу! А ну, живо назад! Как в село придем, сразу все по домам и не высовываться. А с тобой, Егор, разговор будет серьезный.

Еще издали Настя увидела лесовоз отца, перегородивший улицу. Глава семейства приехал домой.

Настя вбежала в дом. Родители сидели за столом.

– Вот она, явилась, наконец-то, – сказала мать. – С утра свинтила с Егором, даже не позавтракала. Иди мой руки и садись обедать.

– Привет, мам, пап! Слышали новость? Как рыжеухий ночью в село приходил?

– Да слышали, слышали. Ко мне соседка приходила, рассказала. Иди руки мой.

Настя наскоро умылась и села за стол.

– Целыми днями шатается где-то с друзьями, – сообщила мать отцу. – Домой не дозовешься.

– Ой, да ладно, мам! Мы ж ничего такого не делаем. Просто гуляем. Пап, ты надолго?

– Нет, проездом. Сейчас уеду. На выходные вернусь. А ты слушайся мать.

– И это все, что ты можешь сказать? – упрекнула мужа Сиверцева. – Все твое воспитание?

– Ну, по части воспитания ты у нас специалист, – невозмутимо заметил Сиверцев. – Тебе и карты в руки.

– Дочь от рук отбивается, а тебе все шуточки.

– Да не отбиваюсь я, – буркнула Настя.

Отец рассмеялся.

– На мельницу ходите? – спросил он.

– Иногда, – уклончиво ответила Настя.

– Больше туда ни ногой. Пока волков не изведут, за околицу не выходить. Ясно?

– Ясно, – уныло ответила дочь. – Только стоило ли переезжать сюда, чтобы сидеть все лето в доме?

– Ничего, успеешь еще набегаться. А может, тебя к бабке с дедом отправить, а?

– Я за! – оживилась Настя. – А можно Егорка со мной поедет?

– Ишь, как ты с ним сдружилась. Накаркал дядя Степа, напророчил. Того и гляди, действительно замуж выскочишь, пока я по командировкам езжу.

– Ну, папка, скажешь тоже, – обиженно надулась Настя.

– Ладно, посмотрим. Может, с Егоркой поедете.

– Учебный год на носу, – напомнила мать. – О море раньше думать надо было.

Настя снова насупилась, а Сиверцев произнес:

– Ты, Наташа, тоже поостерегись.

– Теперь меня повоспитывать решил, – улыбнулась жена.

– А как же, – ответил Сиверцев. – Муж я тебе или не муж? Ты все время с открытыми окнами спишь. Осторожнее надо быть, раз волки по селу загуляли. Вообще черт-те что творится. Не помню, чтобы когда-нибудь такое нашествие было.

– Что, так плохо? – с тревогой спросила Сиверцева.

Муж кивнул.

– Даже у нас в леспромхозе их много стало. И шума не боятся. Так что, Настена, за околицу ни ногой. Ну, все, женщины, мне пора. Будьте здоровы. Спасибо, жена, накормила.

Сиверцев поднялся из-за стола и добавил:

– Разрешаю проводить отца и мужа.

Все трое вышли на улицу. Сиверцев поцеловал жену, щелкнул Настю по носу и забрался в кабину. Махнув рукой на прощание, он уехал.

– Mam, я пойду, – сказала Настя, уже срываясь с места.

– Э, нет, – Сиверцева едва успела удержать дочь за руку. – Побудешь сегодня дома, у нас с тобой есть, чем заняться. Ремонт еще не закончен и в огороде надо поработать.

– Ну, мам, мы с ребятами договорились встретиться.

– Никуда твои ребята не денутся. Завтра увидите.

Пока они препирались, к калитке подошел Поковский.

– Добрый день, Наталья Савельевна, – поздоровался доктор. – Ваша дочь? – спросил он, поглядев на девочку.

– Ах, это вы, Айболит, – Сиверцева улыбнулась. – Здравствуйте, Вячеслав Петрович. Да, это Настя.

– Ну, привет, Настя. Чего такая сердитая?

– Это я еще радостная и веселая, – буркнула Настя. – До свидания.

Сказав это, она ушла в дом. Доктор вопросительно взглянул на Сиверцеву. Женщина развела руками.

- Переходный возраст, – шутливо пояснила она.
- Понятно, – Поковский кивнул. – А я, собственно, к вам шел, Наталья Савельевна.
- Ну так проходите в дом, – предложила Сиверцева.
- Да нет, я ненадолго, – отказался доктор. – Так, справиться о здоровье.
- Все в порядке, спасибо.
- Вам уже лучше?
- Да будто и не болела. Все хорошо.
- Вот и славненько. А то тут вот ведь какое дело...
- Доктор в нерешительности потерел подбородок.
- Говорите, говорите, – подбодрила его Сиверцева. – Что у вас случилось?
- Медсестры у меня, знаете ли, молодые, шепутные, резвые...
- Сиверцева рассмеялась.
- Вы так говорите, словно сами седовласый старец. Вы ведь тоже совсем не в пожилом возрасте.
- Ну, до старости мне, конечно, далеко, – согласился Поковский, улыбнувшись. – Но я человек серьезный. А этим все бы резвиться. Затеяли возню-беготню прямо в лаборатории. Ну и толкнули стол с образцами. Там и ваш был.
- Какие образцы? – не поняла Сиверцева.
- Образцы крови, – пояснил доктор. – С вашим анализом теперь ничего не получится. И вся моя работа насмарку – половина образцов смешались, вдруг обнаружился необычный тип лимфокинов. Не поймешь теперь, что откуда. Так что, если желаете, можем процедуру повторить. Извините, конечно, что так получилось.
- Ой, да что вы, Вячеслав Петрович! – Сиверцева снова рассмеялась. – Не убивайтесь по пустякам. Ничего в этом такого нет. Ну, не получилось и не надо. Ничего страшного.
- Что ж, как хотите, – доктор пожал плечами. – Тогда всего хорошего.
- Может, все-таки зайдете?
- Нет-нет, спасибо. У меня дела. До свидания.

Ночью Сиверцева долго не могла уснуть. Ее мучила невыносимая духота. Памятуя наказ мужа и несколько встревоженная последними событиями, она закрыла на ночь окно. Но многолетняя привычка сказывалась, было слишком душно. Поворочавшись с боку на бок, она, в конце концов, поднялась и распахнула окно. Ночь дохнула прохладой, легкий ветерок колыхнул занавески. Стало легче. Женщина сбросила рубашку, подставив тело ночной прохладе. Едва забравшись в постель, она тут же уснула и уже не слышала, как откуда-то издалека, от леса, донесся протяжный вой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Она снова была под тем же кустом черемухи. В памяти чернел провал. Она очень смутно помнила события прошлой ночи и абсолютно не помнила, что было днем. И это внушало Ей страх. Она не понимала, что с Ней происходит. И голод, лютый голод по-прежнему терзал Ее. Прошлой ночью Ей так и не удалось насытиться, помешали люди, а что было днем, Она не знала.

Уши уловили далекий вой. Она поняла значение этого тоскливого сигнала. Лесные хищники, порожденные Ее свирепыми предками, уступали Ей свою территорию без боя. Волки признали за Ней силу и право.

Это успокаивало Ее, придавало уверенности. Да, Она была одинока в этом мире, но отнюдь не беззащитна. Ей не было равных по силе и эта свирепая мощь распирала грудь. Одиночество и лютей голод доводили до бешенства. Она уже была уверена, что никогда не найдет свое племя, но теперь, на смену отчаянию, пришла дикая злоба, неукротимая ненависть ко всему живому.

Она вышла из своего укрытия. Голод толкал вперед, на поиски добычи. Едва стоило пошевелиться, как в ближайших дворах залаяли собаки. К ним присоединились другие, замычали коровы, завизжали свиньи. Все они чуяли зверя и, инстинктивно уловив Ее движение, подняли панику, призывая на помощь людей.

В этот раз люди прислушались к их зову. Ее уши уловили человеческие голоса. Жгучая злоба захлестнула Ее, в припадке дикой ярости Она собралась в комок, готовая рвануться вперед и рвать зубами все живое. И все же Ей удалось сдержать себя. Как ни сильна, как ни могуча и свирепа Она была, встречаться с людьми сейчас не стоило.

Она развернулась и гигантскими прыжками помчалась прочь, внушая одним своим присутствием ужас животным, притаившимся за оградами.

Ураганом Она ворвалась в лес. Стремительный бег вселил в Нее какую-то дикую радость, чувство свободы опьянило Ее. Нахлынули знакомые ощущения, словно вспомнился далекий, почти забытый сон. Вот так же когда-то давно упругие ветви хлестали по телу, воздух мчался навстречу, врвался в разгоряченную грудь. Сила, необузданная свирепая сила переполняла Ее. И все живое, издали зачуяв эту злобную лютую мощь, спешило убратся прочь с Ее пути.

Лес кончился внезапно, в ноздри ударил запах человеческого жилья. И вновь нахлынул голод, несколько забытый во время стремительного бега через лес, лютей голод, раздирающий внутренности. Больше сдерживать себя не было сил и Она вошла в деревню. Двигаясь по темным улицам, Она внимательно осматривала каждый дом, прислушиваясь к звукам, запахам, выискивая добычу.

Услышав шаги, Она замерла на месте. Навстречу шел человек. Он пошатывался и распространял вокруг убойную смесь запахов. Человек время от времени что-то орал. В руке он держал палку, которой брякал по заборам и лихо сшибал лопухи, какие мог разглядеть. В одном из домов открылось окно, кто-то грубо окрикнул позднего гуляку. Тот что-то крикнул в ответ, после чего заорал еще громче.

И вдруг человек увидел Ее. У него не было того развитого инстинкта, каким обладали все животные. Он не понял, кто перед ним, видимо, принял Ее за собаку. Неуклюже размахнувшись, он хотел огреть Ее палкой.

Один короткий рывок и мощные челюсти сомкнулись на горле человека. Толчок массивного тела легко опрокинул его на землю. Он не успел даже вскрикнуть, все произошло молниеносно. В следующий миг Ее зубы уже разрывали горячую плоть, спеша утолить голод.

Однако Она быстро утратила интерес к добыче. В ноздри бил неприятный запах, а когда зубы разорвали желудок Ее чуть не вывернуло, незадолго до смерти человек наглотался какой-то дряни. Несмотря на неутоленный голод, Ей пришлось бросить свою жертву.

Она устремилась вперед, в глубь деревни. Теперь Она знала, что ищет. Люди, вот кто избавит Ее от голода, постоянно терзающего внутренности. Это самая легкая добыча. Они не чувствуют Ее, не поднимают панику. Их можно бить внезапно, без шума. Она начала охоту.

Ей не пришлось долго искать. Свернув на боковую улочку, Она увидела добычу. Это был маленький человечек, ребенок. Он ходил вдоль забора и посвистывал,

словно искал и подзывал кого-то. Она остановилась, присматриваясь. Ребенок был один, никто и ничто не могло помешать напасть на него.

На зов ребенка из кустов выбежал неказистый лопоухий щенок. Хозяин присел на корточки, обнял своего питомца и принялся что-то выговаривать щенку назидательным тоном. Из дома мальчишку окрикнул мужской голос. Ребенок ответил и, схватив щенка в охапку, начал подниматься.

Она рванулась вперед. Несмотря на крупные размеры, Она двигалась абсолютно бесшумно, легко и стремительно. Человечек стоял спиной к Ней, он не видел и не слышал надвигавшейся сзади опасности. Ей хватило бы нескольких мгновений, чтобы схватить намеченную жертву в зубы и умчаться в лес, а уж там-то никто не помешает Ей насытиться.

Она уже была совсем рядом, когда щенок вдруг взбрыкнул и вырвался из рук хозяина. Он почувствовал Ее. Уставившись на грозного хищника, щенок замер на месте, не в силах пошевелиться от страха. Человечек снова нагнулся к своему питомцу. Видимо, странное поведение щенка заставило его обернуться. И он увидел Ее. Их глаза встретились.

До желанной добычи оставался всего лишь прыжок. Но Она не смогла его сделать. Что-то удержало Ее. Она стояла, глядя в глаза жертве, готовая рвануться вперед и не могла двинуться. Она не чувствовала жалости к этим двум беззащитным существам и все же не могла заставить себя сделать этот единственный прыжок.

Вдруг мальчишка закричал. Утихнувшая было ярость вспыхнула с новой силой, Она собралась в тугий комок, подобно сжатой пружине. Но в доме хлопнула дверь, скрипнула калитка, сзади почувствовалось движение.

Она развернулась. Сзади подбегал человек, заноса над головой топор. И это, неожиданно для Нее самой, вдруг вызвало в Ней дикий страх. Примитивное оружие в руках человека вдруг напомнило Ей что-то жуткое, давно забытый ужас. Но злоба подавила страх. Ее челюсти перехватили руку человека с опускающимся топором. Один рывок и человек отлетел на другую сторону улицы, с треском влипившись в забор.

Завыли собаки, в домах захлопали двери, послышались голоса людей. Она поняла, охота не удалась. Мощными прыжками Она помчалась к лесу. Вдогонку хлопнул выстрел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В этот день подъем в семье Сиверцевых произошел довольно поздно. И мать, и дочь пролежали в постелях почти до полудня. Утро выдалось пасмурное, погода как раз такая, при которой лучше всего спится.

После позднего завтрака мать отправилась в магазин, Настя осталась одна. Она была немного удивлена тем, что Егорка сегодня не пришел. Обычно приятель появлялся ни свет, ни заря. Хотя, после вчерашнего похода в лес, дядя Степан вполне мог посадить племянника под домашний арест.

Но только девочка о нем вспомнила, как Егорка тут же появился. Вид у приятеля был удрученный, можно было подумать, что жизнь ему не мила. За ним следовала Оксанка.

– Привет! – поздоровалась Настя.

– Здорово, – нерадостно отозвался Егорка.

– Ты чего такой хмурый? – удивилась Настя.

– Его дядя Степан в лес не пустил, вот он и злится, – пояснила Оксанка.

– А чего ты в лесу забыл? Вчера не хватило, что ли?

Егорка удивленно взглянул на подружку.

– Да ты чего? Ничего не знаешь, что ли?

– А что я должна знать?

– Ну вы, городские, даете! Тут такие дела творятся, а они дрыхнут себе спокойненько!

– Да ты объясни толком-то, что случилось?

– Ночью рыжеухий в Озерки заходил, – вместо Егорки принялась рассказывать Оксанка. – Мужика одного загрыз насмерть, тракториста. Он пьяный из гостей возвращался. А потом еще на один дом напал, другому мужику руку отгрыз.

– Да не сочиняй уж, – проворчал Егорка. – Не отгрыз, а сломал челюстями.

– Это все равно, мог бы и откусить. Ух и переполох там был. А с утра все мужики, наши и озерковские, в лес пошли, на рыжеухого облаву делать. Председатель бегал, ругался, требовал, чтобы все на работу шли, только его никто не послушал. Еще с двух деревень мужики тоже в лес пошли. И из леспромхоза тоже. И участковый со всеми пошел. А его вот дядя Степан не отпустил.

– Почему?

– Он за вчерашний-то поход чуть ремня не получил, – хохотнула Оксанка. – И вообще мал еще.

– Да уж постарше тебя, – буркнул Егорка.

Со стороны леса послышались слабые хлопки выстрелов.

– Волка подняли, – сказал Егорка. – Далеко забрались мужики, выстрелов почти не слышать.

– Может, на речку пойдем, – предложила Настя.

– Чего там делать-то? – спросил Егорка. – Купаться сегодня холодно.

– Ну, просто погуляем.

– Он сейчас кроме облавы ни о чем думать не может, – ехидно сказала Оксанка. Скрипнула калитка, домой вернулась мать Насти.

– Куда это вы собрались? Сегодня никаких шатаний!

– Мы ненадолго, мам.

– Никаких «ненадолго». И вы, ребята, по домам идите. Сейчас в магазине такой жути наслушалась. Все, без разговоров! Вот поймают этого рыжеухого, тогда и нагуляетесь.

Ребятам ничего не оставалось, как попрощаться.

Над селом нависла тревожная тишина, которую боялись вспугнуть даже собаки. Почти все мужики, наперекор запрету председателя, отправились в лес. Женщины сидели по домам или, скучковавшись у магазина, вполголоса обсуждали жуткие подробности о нападениях рыжеухого хищника.

Строев остался в селе. Принять участие в облаве ему не позволяла больная нога. К тому же в ночных появлениях хищника для него было слишком много неясностей и старый охотник занялся подробным изучением следов волка-людоеда.

Он никак не мог отделаться от мысли, что волк приходил вовсе не из леса, а совсем с другой стороны. Не пожалев своей хромой ноги, Строев дошел до Озерков. Изучив следы, охотник пришел к выводу, что ночью там побывал тот же самый зверь, который учинил накануне резню в хлеву Цыбиных. Однако следы людоеда, как и в прошлый раз, начинались и заканчивались в Огнево, в районе церкви. Далее проследить путь хищника не представлялось возможным, место было слишком оживленное и, как правило, все ночные следы с утра затаптывались. Но логично

было бы предположить, что рыжеухий волк приходил из-за реки. Непонятно было лишь, где он мог скрываться днем в полях.

Впервые Строев начал испытывать страх перед зверем. Если хищник действительно скрывался в полях, не пугаясь работающей техники и большого количества людей, это был опасный противник. Все свидетельствовало о незаурядном уме волка, его коварстве, силе, злобности и полной уверенности в собственной безнаказанности. Изучив следы, оставленные волком в Озерках, Строев установил, что после нападения на тракториста, зверь долго кружил по деревне. Он не предпринимал попыток напасть на домашний скот, как накануне, словно, вкусив человеческой крови, искал новую жертву среди людей. И это пугало. Старый охотник был уверен, что теперь рыжеухий стал людоедом. В следующий свой приход он будет охотиться именно на людей.

Облазив всю округу, Строев направился к председателю, поделиться своими соображениями.

Днем приехал Сиверцев. За обедом жена рассказала ему последние новости. Выслушав ее, Сиверцев задумчиво произнес:

– Да-а, жить здесь становится опасно. Ничего подобного я даже от стариков никогда не слышал.

Поглядев на дочь, он сказал:

– Вот что, Настя. Отправим-ка мы тебя, пожалуй, к деду с бабкой. Отдохнешь там, пока здесь все не утрясется. Каникулы вам, похоже, продлят нынче.

– На море! Вот здорово! – обрадовалась Настя. – А можно, Егорка со мной поедет?

– Почему бы и нет. Если Степан Васильевич возражать не будет, то пожалуйста.

– Да не будет, чего там! А когда поедет?

– Попробуем завтра с утра и отправиться. Еще бы маму твою уговорить с тобой поехать.

– Исключено! – Сиверцева помахала пальцем перед носом мужа. – Чтобы ты тут один остался, без присмотра? Даже не думай!

Муж вздохнул.

– Ну вот как с вами, женщинами, бороться? Так вот и попадаем под ваш каблук – раз уступим, второй. Ладно, сейчас съезжу к себе на базу, договорюсь на завтра, а к вечеру вернусь. Не скучайте.

Не теряя времени, Сиверцев отправился в леспромхоз. По пути он заехал к Строеву, рассказал о своем решении. Тот не стал возражать и согласился отправить Егорку вместе с Настей. Его самого беспокоила обстановка и он предпочел бы, чтобы предприимчивый племянник находился подальше, в безопасности. Строев разговаривал с председателем, тот не воспринял предостережение старого охотника серьезно. А Строев был уверен, что впереди еще много жертв, рыжеухий людоед прольет немало крови.

Вернулся Сиверцев поздним вечером, когда солнце уже закатилось за вершины сосен. На площади перед правлением стоял трактор с прицепом, возле толпился народ. Сиверцев притормозил. Выпрыгнув из кабины своего лесовоза, он подошел к толпе.

– По какому поводу кучкуемся? – спросил он.

Оказавшийся рядом Борька-гармонист пояснил:

– Да вон, охотнички своими трофеями хвастают.

В прицепе рядком лежали трупы пяти крупных волков. Цыбин, перепоясанный патронташем, стоял рядом и рассказывал:

– Далеко хоронятся, заразы! Километров десять вглубь протопали, пока первого подняли. А вроде постоянно поблизости бродили. Ну, ниче, надежно гадов обложили, всех изведем.

– А где же остальные? – спросил председатель, оглядев немногочисленных охотников. – Где Михеев?

– Там заночевали. Чего туда-сюда мотаться? Завтра спозаранку снова начнем. Сергеев нахмурился.

– Облава на рыжеухого уже превращается в несанкционированный отстрел. И долго это будет продолжаться?

– Так ить, пока не изведем сучье племя.

– А работать кто будет? Передай, чтобы завтра все бригадиры к восьми у меня были.

Цыбин пожал плечами.

– Передать, оно, конечно, можно. Да только, блин, пока серых не изведем ни дела, ни работы не будет. Не вернутся мужики раньше времени.

– А кто ж село-то ночью охранять будет? – спросила одна из женщин в толпе. – Мужики все в лесу.

– Не бойсь, Нюра, – успокоил ее Цыбин. – Сегодня можешь спать спокойно. За флажки серые не сунутся.

– Как знать, – пробормотал Строев.

Хромая, он пробился к прицепу и, скептически осмотрев трофеи, пренебрежительно заметил:

– Мелочь. Рыжеухого-то нет.

– Ниче, Василич, дай срок и его словим.

– Ну-ну, – пробормотал Строев.

Повернувшись к председателю, он сказал:

– А патрули на ночь ты все-таки организуй.

– Разберемся, – ответил Сергеев.

– Ну-ну, – снова пробормотал Строев.

Повернувшись, он пошел прочь. Сиверцев догнал его.

– Что думаешь, дядя Степан?

– Он придет, – уверенно сказал Строев. – Рыжеухий – людоед, никакие флажки его не остановят. Да и не из леса он вовсе приходит. Его логово где-то совсем в другом месте, возможно, за рекой. И вообще, Коля, что-то странное происходит. Волки отошли в глубь леса. Причем, совсем недавно. Если они уступили территорию рыжеухому, то почему только сейчас? Ведь рыжеухий уже давно живет здесь и часто его видели с другими волками, он вожак стаи. Ночью же он всегда ходит один. Непонятно все это. Ты на ночь все двери запереть не забудь и карабин под рукой держи.

Под утро Сиверцев проснулся от холода.

– Ну, Наташка, опять окно раскрыла, – проворчал он.

Повернувшись, он увидел, что жены рядом нет. Окно действительно было раскрыто.

– Наташка! – позвал Сиверцев. – Жена!

Никто не отозвался. Подождав некоторое время, Сиверцев поднялся с постели и отправился на поиски супруги. В нынешнее тревожное время даже пробежка по

нужде, могла обернуться трагедией, поэтому отсутствие жены очень его беспокоило. У лестницы он столкнулся с дочерью.

– А ты чего бродишь? – спросил он.

– Не спится, – ответила Настя. – За окнами кто-то ходит.

– Кто там может ходить? Это дружинники, наверное. Иди спи.

– А ты чего кричал? – спросила Настя.

– Ты мать не видела? – вопросом ответил Сиверцев.

Настя удивленно посмотрела на отца. Тот махнул рукой.

– Ладно, иди спать.

Обойдя дом и двор, Сиверцев вернулся в спальню. Жена спала, как ни в чем ни бывало. Сиверцев озадаченно почесал в затылке, закрыл окно и тоже лег спать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

От этого можно было сойти с ума. Все повторялось вновь и вновь. Она снова была под тем же кустом черемухи. Снова голод и одиночество. И в памяти снова чернел провал.

Она сжалась в комок, пытаясь спрятать голову в землю, уйти от жестокой реальности. Но бесполезно.

Вспомнились события прошлой ночи, тот топор в руках человека, что вдруг вызвал у Нее краткий миг страха. В душе родилось смутное подозрение, что именно людям Она обязана своим одиночеством, именно они извели всех Ее сородичей и они пытались уничтожить Ее самую. И это открытие вызвало прилив дикой ярости, желание жестоко мстить.

Она резко вскочила. Ей все равно ничего не изменить в собственной жизни, так стоит ли изводить себя понапрасну? Пора смириться. Ей никогда не удастся отыскать выход из странного лабиринта жизни. И завтра, и послезавтра, каждая ночь будет начинаться здесь, под этим кустом черемухи. Она будет все так же голодна и одинока. Нет ни прошлого, ни будущего, лишь одно бесконечное настоящее. Но люди, виноваты они или нет, заплатят Ей за все. Заплатят собственной кровью.

Мощными прыжками Она стремительно помчалась к лесу. Инстинкт подсказывал, где-то там сегодня будет отличная пожива. Скорей начать охоту, утолить голод.

В лесу она налетела на преграду, примитивное приспособление людей для охоты. Она знала, люди ловят Ее. Почему-то считалось, что Она не сможет преодолеть эту веревку с навешенными на нее вонючими тряпками. Это действовало лишь на Ее трусоватых и не слишком сообразительных собратьев, некоторые из них уже погибли от рук людей накануне. А Она даже не попыталась остановить свой бег, не стала и перепрыгивать. Грозную мощь свирепого хищника не могло сдержать такое жалкое препятствие. Пеньковая веревка натянулась, врезавшись в грудь, и лопнула.

Лес встретил Ее тишиной. Рядом не чувствовалось ничье присутствие. За день люди разогнали отсюда все живое.

Не сбавляя хода, Она все так же стремительно мчалась вперед, напролом. Ноздри уловили дым костра, запахи множества людей, собак, до слуха донеслись человеческие голоса. Она знала, это охотники заночевали в лесу. Вообще Она многое знала о деятельности людей. Ей самой был непонятен источник своей осведомленности, но Она не очень-то и стремилась разрешить эту загадку.

Пусть люди пытаются изловить Ее, их жалкие попытки не увенчаются успехом. Они еще узнают, кто здесь настоящий хозяин. А пока вперед, вперед.

В ноздри ударил неприятный запах. А вскоре лес расступился и Она увидела десятки железных сооружений на колесах, источающих запах бензина. Она нырнула в лабиринты машин, инстинкт подсказывал, что здесь кто-то есть. И этот кто-то сегодня непременно станет Ее добычей.

Через мгновение Она увидела свою жертву. Человек вышел из деревянной будки, затягивая пояс на брюках. Он тоже заметил Ее, яркая луна вполне четко высвечивала огромного хищника.

Человек испугался. Она отчетливо почувствовала его страх. Он словно оцепенел от ужаса, просто стоял и смотрел в Ее глаза, не в силах пошевелиться. Но в тот миг, когда Она бросилась вперед, человек вдруг метнулся к какому-то строению, нырнул внутрь и захлопнул дверь.

Не останавливая свой бег, Она всей массой бросилась на дверь, но запоры выдержали. Внутри строения что-то загремело. Она бросилась на звук вдоль стены к зарешеченному оконцу, из которого пробивался свет. Она бросилась на окно. Удар сотряс все строение. В этот миг грохнул выстрел, затем еще один. Пуля прошла фанерную стенку, обожгла плечо.

Дикая боль иглой пронзила мозг. Она отпрыгнула, крутнулась волчком. Волна безумной ярости захлестнула разум, погасив боль. Грохнули еще два выстрела, но это уже не могло остановить рассвирепевшего хищника.

Крепкие когти врезались в дерево, фанерная стенка разлеталась в щепки под Ее мощными ударами. В мгновение ока Она пробила дыру и вломилась внутрь. На миг Она застряла в отверстии, рваные края врезались в ребра. Она видела, как человек, побелевший от страха, дрожащими пальцами пытается вставить патроны в двустволку. Она рванулась вперед, фанерная стенка затрещала. Так и не зарядив ружье, человек отбросил его в сторону и метнулся к двери.

Последним рывком освободившись из своего капкана, Она бросилась вслед за жертвой. Дверь слетела с петель от удара Ее массивного тела.

Она выскочила на улицу. Хлопнула дверца – человек заперся в кабине грузовика. В глаза ударил яркий свет, машина заурчала.

Она рванулась вперед. Добыча не должна уйти от Нее. Она разорвет глотку этому человеку, во что бы то ни стало.

Мощный прыжок, в морду ударило что-то твердое, раздался хруст, треск и в следующий миг челюсти сомкнулись на горле человека. Он не успел даже вскрикнуть.

Она спрыгнула с капота на землю, отряхнулась. Ярость прошла, уступив место боли. Все тело ломило, разбитая морда кровоточила, раненное плечо жгло. Людям снова удалось причинить Ей боль. Еще никогда Ей не было так плохо.

И эта дикая боль, ломавшая все тело, вызвала новый приступ бешеной ярости. Она вновь ворвалась в лес и помчалась вперед.

Охотники не спали, видимо, их встревожили выстрелы. Их было очень много, каждый держал в руках оружие, в лагере лаяли собаки. Но это не могло остановить безудержную ярость свирепого хищника. Мозг жгла лишь одна безумная мысль – Она должна отплатить людям за свою боль, одиночество, потерянную жизнь.

Вихрем Она ворвалась в лагерь охотников. Зубы разрывали плоть, кости трещали под ударами могучих лап, лагерь наполнился воплями ужаса, предсмертными хрипами, стонами, визгом собак. Грохотали выстрелы, но Она не чувствовала боли от получаемых ран. Сердце радостно пело, восторгаясь мигу сладостной мести, а голод, лютей голод, терзавший Ее постоянно, наконец, отступил. Жажда крови была утолена.

Но пришло время возвращаться. Что-то постоянно тянуло Ее обратно туда, где рос этот проклятый куст черемухи. Бросив свои жертвы, Она стремительно помчалась через лес. Через свой лес. Это была Ее территория. Теперь об этом знали не только волки, но и люди.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сиверцев увез ребят в город на вокзал ранним утром, когда солнце еще только вставало из-за леса. А вскоре село взбудоражила весть о новом жутком нападении волка-людоеда. Не зная, что предпринять, как успокоить колхозников, председатель снова сел на телефон, подняв на ноги все районное руководство. В этот раз его сигнал был воспринят очень серьезно, спустя час все пришло в движение. Из города примчались несколько машин с оперативниками, которые сразу отправились на автобазу леспромхоза, а еще через некоторое время на площадь перед правлением въехали шесть «ЗИЛов», следом «Волга» и два «ГАЗика». Из тентованных кузовов как горох посыпались солдаты в гимнастерках с красными погонами, с автоматами в руках. Пока офицеры строили солдат, из «Волги» вышли двое: секретарь райкома Рыжов – пожилой полный мужчина, и незнакомый колхозникам высокий человек средних лет в штатском, но с выправкой военного. Оба направились в правление.

Прибывших встретил председатель Сергеев.

– Здравствуйте, Петр Иванович, – поспешил он пожать руку Рыжову.

Затем Сергеев вопросительно взглянул на спутника высокого начальства.

– Знакомьтесь, – произнес Рыжов. – Подполковник Тихий Андрей Владимирович. Теперь он тут у тебя парадом командовать будет.

В голосе секретаря райкома не чувствовалось обычной ленивой пренебрежительности, присущей ему, как человеку, считавшему себя большим начальником. Сергеев понял – руководство района, а возможно, и области, встревожено.

Когда все трое прошли в кабинет Сергеева, Тихий потребовал:

– Доложите обстановку.

– Да чего тут докладывать? – председатель развел руками. – Волки лютуют. Люди паникуют, на работу не выходят. Пробовали было своими силами справиться, но... Этой ночью было совершено нападение на базу леспромхоза и лагерь охотников, что заночевали в лесу. Пятеро погибли, очень много покалеченных. Сейчас там районная милиция разбирается. Народ волнуется, говорят, волк-людоед в наших краях обосновался. Слухи уж разные ползут нехорошие.

– Понятно, – Тихий кивнул. – Скоро придут егеря, организуем полномасштабный отстрел. Местное население привлекать не будем. До конца операции прекратить все передвижения, на работы выходить только по необходимости.

– Да у нас сейчас одна сплошная необходимость, – сказал Сергеев. – Уборочная идет.

– Это так, – подтвердил Рыжов. – Работы приостанавливать никак нельзя.

– Хорошо, – согласился Тихий. – Но в зоне операции, то есть в лесу, не должно быть никого постороннего. Пределы колхоза никому не покидать.

Подполковник поднялся и вышел из кабинета.

– Откуда взялся этот?.. – осторожно спросил Сергеев.

Секретарь райкома многозначительно поднял глаза к потолку.

– Все так серьезно? – снова спросил председатель.

– Серьезней, чем ты думаешь, – ответил Рыжов, кивая. – И вот еще что. Не надо афишировать, что здесь происходит.

– То есть? – не понял Сергеев.

– Там, – Рыжов снова показал глазами на потолок, – считают, что незачем нервировать население слухами о волках-людоедах. К тому же делегация иностранная сейчас в области, сам понимаешь... Информация о последних событиях не должна выйти за пределы района. Так что помни сам и предупреди всех, чтобы языками не трепали. Иначе, сам понимаешь, там, – он в очередной раз кивнул на потолок и даже поднял указательный палец для убедительности, – шутить не будут.

Покинув Огнево, Тихий отправился на автобазу леспромхоза. Там уже работали оперативники из РУВД. За их действиями наблюдал Строев, стоявший в сторонке. Здесь же находился и участковый Михеев. При ночном нападении на лагерь охотников досталось и ему, рука лейтенанта была подвязана.

– Что тут у вас? – спросил Тихий.

– Смотрите сами, – сказал старший опергруппы, указав на развороченную стенку бытовки.

– М-да, – озадаченно промолвил Тихий, оглядевшись вокруг. – Крупный зверь здесь побывал.

Строев хмыкнул, проявив интонацией все свое неуважение к служителям закона.

– А вы кто такой? – спросил Тихий.

Грозно взглянув на милиционеров, он сказал:

– Я же велел убраться всех гражданских лиц.

– А ты не ори, мил человек, – спокойно произнес Строев. – Я здесь уже больше полувека живу и хожу, где хочу.

– Товарищ местный, – пояснил Михеев. – Из Огнево. Опытный охотник и кое в чем разбирается. Может оказаться полезным.

– Обойдемся без самородков-самоучек, – отрезал Тихий. – Вот приедут специалисты, сами во всем разберутся.

– Специалисты, – презрительно процедил Строев сквозь зубы. – Твои специалисты и не знают, с чем им придется встретиться. Да и вы, похоже, ни черта не понимаете, только туману напустили, корчите из себя серьезных да деловых.

– Ну хорошо, – подполковник заложил руки за спину и всем корпусом повернулся к Строеву. – Объясните же нам, бестолковым, свою точку зрения.

– Объяснить не трудно, – отозвался старый охотник. – Поймете ли? Вот ты говоришь, зверь крупный. Погляди-ка туда.

Строев указал на сторожевого пса, что жался к будке, поджав хвост.

– Любой, даже самый крупный волк, не крупнее этой вот псины. А теперь представь, под силу ли такому зверю пробить фанерину.

– Вряд ли, – усомнился Тихий.

– А теперь сюда посмотри.

Строев поманил подполковника в сторону и присел на корточки. Тихий последовал за ним.

– Видишь, след, – указал Строев. – Здоровый, будто медвежий.

– Так, может, медведь и был?

Строев усмехнулся.

– Вам, городским, конечно, все едино, что медведь, что заяц. Я же на зверя ходил, когда ты еще штаны мочил, и глаза свои я еще не пропил. След волчий. Но

размером волк с медведя будет, а может и поболе. Видишь, как псину трясет. Она его видела. Да и Михеев его видал.

Оба посмотрели на участкового. Тот только махнул здоровой рукой.

– Там вчера такое творилось... Костер в суматохе затоптали, все в темноте было... Но зверь действительно здоровый.

– Я, конечно, городской, это верно, – произнес Тихий. – Однако точно знаю, что нет таких крупных волков.

Строев кивнул.

– Я тоже это знаю. Это и пугает. Странный зверь. И страшный. Ты посмотри, да тебе и сыщики твои подтвердят, сторож стрелял в зверя и попал, на земле и на стенке кровь. Но это его не остановило. Волк разворотил стену, вышиб дверь, а потом... Смотри сам. Сторож хотел уехать на «ЗИЛке», но волк достал его. Лобовуха вдребезги. А ведь это не оконное стекло, его просто так не расшибешь. Любая животина насмерть бы разбилась, а он сторожа разорвал, да потом еще на наших мужиков в лесу набросился. Страшный зверь, сильный. Даже собаки его пугаются. А ведь это не городские шавки, они на медведя, на лося, на кабана, на тех же волков ходили. А его боятся. Вот и думай, какую зверюгу изловить собрался.

– Ладно, все это мы примем к сведению, – сказал Тихий, кивнув. – Спасибо, дед, за консультацию, а теперь ступай домой.

– Иди, Степан Васильевич, иди, – поддержал его Михеев. – Тут теперь без нас разберутся.

– Разбирайтесь, – хмуро произнес Строев. – Конечно, кто я для вас? Чудной дед, что под ногами мешается. Одно тебе скажу, начальник, не губи людей зазря. Днем вы его вряд ли отыщете. Его время – ночь. Он людоед и это не вы, а он будет охотиться на вас.

Вернувшись в село, Строев сразу направился в больницу. Поковский нервно метался по пустым кабинетам и говорил в пустоту:

– Уеду! Уеду, к чертовой матери!

– Чего мельтешишь, медицина?! – окликнул доктора Строев.

– А! Степан Васильевич! Здравствуйте.

– Здорово.

– Слыхали, что ночью-то случилось?

Строев кивнул.

– Даже видел.

– Ужас! – Поковский нервно сжал голову руками. – Кошмар! Как только все это закончится, сразу же уеду. Я бы и сейчас сбежал, да военные не выпускают. Мы тут как арестанты!

– Ладно, не суетись, – Строев хлопнул доктора по плечу, усаживая на кушетку. – Ты тут, я знаю, с кровью чего-то химичишь, исследуешь. Исследуй-ка для меня вот это.

Строев достал из-за пазухи тряпицу, бережно развернул и показал доктору бурные щепки.

– Что это? – спросил Поковский.

– Вот ты и проверь, что это такое. Если чего найдешь необычного, скажи мне.

И только мне. Ты понял?

– Хорошо, – кивнул доктор. – Я займусь этим потом.

– Прямо сейчас, – потребовал Строев. – Это важно.

– Это как-то связано с людоедом?

– Ты поменьше спрашивай, делом займись.

– Хорошо.

– Вот и ладненько. Я к тебе потом загляну. Но если что, сразу разыщи меня.

Покинув больницу, Строев продолжил свои похождения. Весь день он мотался по округе из края в край, не жалея больную ногу. Старика начали терзать смутные подозрения, в которых он боялся признаться даже самому себе. Не очень-то доверяя милиции, военным и приезжим егерям из лесничества, старый охотник занялся собственным расследованием. Следы ночного хищника все более убеждали Строева, что его страшные догадки верны. Не хватало лишь какой-то малости, чтобы увязать все факты воедино и разгадать, наконец, все тайны волка-людоеда.

Ближе к вечеру старик зашел к Сиверцевым. Николай встретил его у калитки.

– Дядя Степа, ты куда пропал? Я уж два раза к тебе заходил.

– Все дела, – ответил Строев. – Ну, как? Отвез ребятишек?

– Да, посадил на поезд. В Москве пересядут, а в Симферополе мой отец их встретит.

– Не заблудятся?

– Настя уже не первый раз этим путем едет. Да и не одни они поедут. Мои знакомые в Запорожье собрались, так что до Москвы и дальше одним поездом с нашими едут. Вот и присмотрят за ними в дороге.

– Ладно, коли так. Лучше ребятам сейчас быть подальше отсюда. Тут черт-те что творится.

– И не говори, дядя Степан. На дорогах посты стоят, меня еле пропустили. Полчаса доказывал, что живу здесь. Солдат понагнали, патрули кругом, говорят, что учения у них начались. Неужели из-за волков вся суета?

– А ты как думал? Слышал, что ночью-то случилось?

– Слышал уже, – Сиверцев хмуро кивнул. – А чего ж секретность такая?

– А кому ж охота свою задницу подставлять? – усмехнулся Строев. – Время протянули, теперь расхлебывают. Жинка-то у тебя как?

– Переживает, конечно. Настю к моим родителям отправили, теперь немного успокоилась.

– Да, у них в деревне такой страсти, поди, не было. Откуда, говоришь, она родом?

– С Рязанщины. Есть там у Скопина деревенька Перелюха.

Строев покачал головой.

– Далеко ее занесло.

– Не знаю, как и быть, дядя Степан. Мне сейчас на базу надо отправляться, начальство требует. Может, в рейс отправят. На кого Наташку оставить?

– Езжай, не бойся. Дом у тебя надежный, запоры крепкие, солдатиков, милиции да егерей в селе больше, чем жителей. Ничего не случится. Да и я пригляжу.

В этот момент из дома вышла сама Сиверцева.

– Мужчины! – окликнула она мужа и гостя. – Что ж вы на улице-то стоите? Заходите в дом.

– Спасибо, хозяйка, но я уже уйду, – ответил Строев. – Есть дела.

Строев попрощался и пошел прочь. Он снова направился в больницу, но на полпути встретился с самим доктором.

– А я уж вас заждался, – сказал Поковский. – Решил сам поискать.

– Узнал что-нибудь? – спросил Строев.

– Даже не знаю, как и сказать.

– Говори, как есть. А что это за шум?

– Да там на площади народ собирается. И военные там. Наверное, новости какие-нибудь.

– Ну, пойдем послушаем. По дороге расскажешь.

Несмотря на хромоту, Строев резво зашагал вперед. Доктор едва поспевал за ним, рассказывая на ходу о результатах своего анализа. Услышанное настолько поразило старика, что он остановился, как вкопанный, и задумчиво пробормотал:

– Так-так.

Поразмышляв некоторое время, он, видимо, пришел к какому-то выводу и, кивнув, зашагал дальше.

– А для чего вам это нужно, Степан Васильевич? – спросил Поковский, снова пытаясь не отстать от старика.

– Надо, – коротко ответил Строев. – А ты пока помалкивай, никому ни слова. Мы с тобой еще поговорим.

Когда Строев и Поковский пришли на площадь перед правлением колхоза, там уже собралась изрядная толпа. В центре площади стоял трактор в окружении солдат и егерей.

– Что случилось? – спросил Строев.

– Рыжеухого прикончили, – ответили из толпы.

В кузов трактора взобрался подполковник Тихий.

– Внимание, товарищи! – крикнул он. – Прошу тишины.

Когда шум немного стих, Тихий объявил:

– Волк, так долго вас терроризировавший, уничтожен. Вот он, лежит здесь, можете убедиться сами. Это тот самый рыжеухий людоед. Опасность миновала. Успокойтесь, граждане, причин для паники больше нет.

– Что, и уехать можно будет? – спросили из толпы. – Мы с женой в город собирались. Детишкам надо одежду прикупить, а ваши все дороги перекрыли.

– Обещаю, в скором времени восстановится полная свобода передвижения. Пока же прошу пределов колхоза не покидать. Некоторое время войсковые наряды еще будут патрулировать местность, но, повторяю, причин для беспокойства больше нет.

Строев пробился сквозь толпу поближе к трактору. В кузове лежала туша крупного волка. Старый охотник никогда раньше его не видел, но, без сомнений, это был тот самый зверь, что так часто сталкивался с людьми и которому приписывали все ночные нападения. Строев сразу заметил характерные рыже-коричневые пятна за ушами, отличавшие хищника от всех прочих.

Строев взобрался наверх и внимательно осмотрел труп волка. Хищника буквально изрешетили, шкура волка была продырявлена многочисленными пулевыми отверстиями. Егеря уже успели вспороть ему брюхо, доски кузова потемнели от крови. Зверь действительно был очень крупный, таких охотнику встречать еще не доводилось. И все же...

Строев поднял глаза на Тихого.

– Молчи, дед, – тихо сказал подполковник. – После поговорим.

– Что скажешь, Василич? – спросили из толпы. – Он?

– Ночь покажет, – хмуро ответил Строев. – А пока не расхолаживайтесь.

Он слез с кузова. Тихий также спустился на землю. Оба отошли в сторону, к ним присоединился старший егерь.

– Это не он, – сказал Строев.

– Возможно, – ответил Тихий.

– Не «возможно», а точно не он.

– Почему вы в этом так уверены?

– У него были огнестрельные раны до того, как вы его убили? – не ответив, спросил Строев.

– Трудно сказать, – офицер пожал плечами. – Ребята основательно его изрешетили, сами видели. Живучий оказался и злобный, сам на загонщиков бросался. А экспертизу мы не проводили.

– Это не он. Зверь крупный, даже слишком, это так. И молва о нем недобрая. Но это не он.

– Ему распороли брюхо и обнаружили в желудке и кишечнике куски материи, – сообщил егерь.

Строева этот аргумент не убедил:

– Волки хищники, но при случае могут отвесть и свежей падали и окровавленную тряпицу проглотить. Рыжеухий вполне мог полакомиться тем, что осталось от людоеда. Следы людоеда я изучил слишком хорошо и точно могу сказать – это не тот волк.

– Даже если это так, людоед не скоро объявится, – сказал Тихий. – Ребята такого пороку в лесу навели. Двадцать семь волков в землю зарыли, только рыжеухого в село доставили.

– Волков вы, может быть, и напугали, но не людоеда, – возразил Строев. – Вы даже не там его ищете. Не в лесу его логово. Он приходит не оттуда.

Тихий внимательно посмотрел в глаза старику.

– Если что-то знаете, лучше сообщите, – с нажимом произнес подполковник.

– В том-то и дело, что ничего я не знаю, пока только догадываюсь. Как узнаю, скажу. До встречи.

Попрощавшись, Строев направился в другой конец села. Благо, что все толпились на площади перед правлением. Если бы кто-нибудь из односельчан увидел его в этот час, то был бы изрядно удивлен. Убежденный атеист, всегда высмеивавший попов и богомольцев, напрямик направился в церковь.

В божьем храме было пусто. Строев кашлянул и громко спросил:

– Есть кто дома?

Никто не ответил. Строев подождал немного, прошел дальше и крикнул:

– Есть кто живой?!

В этот раз ждать пришлось недолго, на зов старика появился священник.

– Добрый вечер, – поздоровался отец Василий.

– Добрый, – ответил Строев. – Поговорить бы надо.

Священник посмотрел на старика, не скрывая удивления.

– Хотите исповедаться?

– Еще чего, – проворчал Строев. – Есть дела посерьезнее. Только приземлиться бы куда-нибудь. Набегался я сегодня.

– Идемте, Степан Васильевич.

Поп провел старика в глубь церкви. В маленькой комнатухе он усадил старика на стул, сам сел на лавку.

– Я слушаю вас, Степан Васильевич.

Строев вытянул больную ногу и сказал:

– Ты, святой отец, человек умный. Вот спросить хочу, что ты обо всем этом думаешь? Я про волка-людоеда.

– Трудно сказать, – ответил священник. – А что конкретно вас интересует?

– Может ли быть такое, что волк охотится на людей и поймать его невозможно?

Нет ли в этом чего-то такого?..

Старик запнулся, подыскивая нужное слово.

– Сверхъестественного? – спросил отец Василий.

– Вот-вот, – кивнул Строев. – Именно так.

– Знаете, Степан Васильевич, в истории уже был подобный случай. Это произошло во Франции, если мне не изменяет память, в восемнадцатом веке. Пожалуй, это был единственный случай, когда волк вошел в историю. Его знают под именем – Зверь из Жеводана. Так же знамениты только львы из Цаво, есть такая местность в Африке. Этот волк охотился исключительно на людей, уничтожил за два года несколько десятков человек, еще больше покалечил. И был неуловим. Сам король посылал в Жеводан войска, в облавах принимали участие тысячи человек, было истреблено множество волков. Однако все было бесполезно. Избавиться от людоеда помог лишь случай. В те времена считали, что в округе появился оборотень, даже обращались к церкви за помощью.

– Вот-вот, – Строев снова кивнул. – Оборотень. Это и хочу узнать. Как ты думаешь, святой отец, возможно ли такое, чтобы оборотни существовали на самом деле?

– Сложный вопрос, тем более для священника, – задумчиво ответил поп. – Вера в Бога подразумевает и веру в Его противоположность, в дьявольские силы. Теософы, конечно, склонны считать волка порождением преисподней. Но в наш просвещенный век было бы неосторожно и даже неумно утверждать, что существование оборотней возможно, по крайней мере, в прямом смысле. Подобные предрассудки порождает страх человеческий перед неизвестностью.

Строев откинулся на спинку стула, закрыл глаза и медленно, устало заговорил:

– Я шел по его следу. Я сразу понял, что он приходит не из леса. Он не живет среди волков, они сами его боятся. Они даже сбились в стаю, чего никогда не бывает летом. Волки отошли в глубь леса, уступив ему свою территорию. Но логово людоеда не в лесу. Сперва я думал, что он приходит из-за реки, но его следов нет ни на этом, ни на том берегу. Его след всегда появляется с одного и того же места и обрывается там же. Военные пристрелили рыжеухого. Они могут говорить, что угодно, но я-то знаю, людоед не рыжеухий.

Строев открыл глаза, посмотрел на священника и четко произнес:

– А еще мне кажется, что в селе появился оборотень. Сегодня ночью я узнаю наверняка, так ли это и кто он такой. Или она.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Несмотря на уверения военных, волк-людоед вновь вышел на охоту. Утром патруль обнаружил труп Строева. Он был убит на улице, неподалеку от церкви.

Когда Тихий прибыл на место происшествия, там уже собралась изрядная толпа. Труп старика лежал на земле, накрытый плащом. Рядом лежал карабин.

– Это его оружие? – спросил Тихий участкового, находившегося тут же.

Михеев кивнул.

– Дед оказался тут не случайно, – заметил он. – Он не имел привычки разгуливать с карабином. Брал его только на охоту.

Тихий поднял карабин, осмотрел его.

– Однако он ни разу не выстрелил, – сказал подполковник. – Интересно, почему? Он ведь наверняка видел людоеда. Но не выстрелил. Или на него напали сзади?

Михеев покачал головой.

– Нет, он встретил волка лицом к лицу. Людоед даже не разорвал его, старик, вероятно, умер от удара при падении.

Тихий опустил на одно колено, приподнял край плаща, взглянул в лицо погибшего и задумчиво произнес:

– Почему же ты не выстрелил, старик? Что ты увидел? Что узнал? О чем не успел рассказать?

К Тихому подошел прапорщик и, отозвав его в сторону, сообщил:

– В больнице обнаружен труп доктора. Зверь вломился туда прямо через окно. Подполковник крепко выругался.

– Что же это такое?! – волновались люди в толпе. – А говорили, что все кончено. Значит, не рыжеухий лютовал? Сколько еще в страхе жить?

Тихий не стал успокаивать народ. Повернувшись к своим офицерам, он потребовал:

– Установите связь со штабом округа. Срочно.

Никто не знал, какой разговор состоялся у подполковника с командованием, но спустя некоторое время в Огнево прибыли еще несколько машин с солдатами. На правом берегу, в полях, раскинулся военный лагерь. В селе и окрестных деревнях срочно устанавливали прожектора, во всех населенных пунктах установили многочисленные посты, армейские наряды начали патрулировать местность с интервалом в десять минут. До особого разрешения населению было приказано прекратить все работы, не рекомендовалось покидать дома без особой надобности. Выезд из мест проживания также был временно запрещен. Исключение сделали лишь для отца Василия.

Сославшись на неотложные церковные дела, священник попросил разрешение на несколько дней покинуть село. Тихий снова связался с командованием и получил приказ попа не задерживать. Оседлав приходскую лошадку, священник отправился в город.

Время тянулось в тревожном ожидании. День за днем егеря при поддержке войсковых подразделений прочесывали леса. Пристрелили еще два десятка волков, но результатов это не принесло. Ночные нападения продолжались. Над Огнево и окрестными деревнями нависла тишина. Жители отсиживались по домам, боясь выходить даже днем. Ночами на улицах жгли костры, прожекторы превратили ночь в день. Не помогало ничего. Количество жертв неумолимо росло. Ночной хищник осмеливался нападать даже на войсковые патрули, а однажды его следы обнаружили возле лагеря за рекой.

Население нервничало. Начали вспоминаться старинные предания об упырях, оборотнях и прочей нечисти.

Через несколько дней вернулся отец Василий. Едва заглянув в церковь, он тут же направился к Сиверцевым.

Хозяин дома колол дрова во дворе. Он два дня назад вернулся из рейса и теперь, узнав последние страшные новости, пребывал в мрачном расположении духа. С ожесточением всаживая колун в чурки, он от души матерился про себя. Впрочем, иногда крепкие словечки срывались и на язык.

Обернувшись на скрип калитки, Сиверцев опустил колун и поздоровался. Ответив на приветствие, священник подошел ближе и сказал:

– Прошу простить за неожиданное вторжение, но я должен поговорить с вами.

– Что ж, пойдете в дом.

– Ваша супруга, наверное, дома, а я предпочел бы поговорить без свидетелей.

– Хорошо, давайте поговорим здесь.

Сиверцев воткнул колун в колоду. Он усадил гостя за стол во дворе, сам сел напротив.

– Я вас слушаю.

– Я только что вернулся из поездки. Был в Рязанской области. Заезжал и в деревню Перелюха. Вам знакомо это название?

– Да, – Сиверцев кивнул, в его взгляде появилась настороженность. – Моя жена родом оттуда.

– Именно о вашей супруге я и хочу поговорить. Вы хорошо ее знаете?

Сиверцев усмехнулся.

– Думаю, что достаточно.

– А известно ли вам что-либо о прошлом ее семьи? – продолжал спрашивать священник.

– Как-то не интересовался, – ответил Сиверцев, пожав плечами. – Но вам-то, собственно, что до этого?

– Вам, конечно, может показаться, что я лезу не в свое дело, – смущенно произнес отец Василий. – Но при сложившихся обстоятельствах я просто обязан сообщить вам то, что узнал. Видите ли, я встречался с протоиереем Диомидом, в свое время он руководил приходом, в который входила и деревня Перелюха. А сам отец Диомид родом из тех же мест, что и предки вашей жены. От него я узнал нечто удивительное. Прошу вас очень внимательно меня выслушать. То, что я должен рассказать, очень необычно. У меня самого все это не укладывается в голове, но в свете последних событий сомневаться в словах отца Диоида трудно.

Сиверцев закурил, выпустил струю дыма и произнес:

– Подозреваю, мне не понравится то, что вы сейчас расскажете. Но я вас слушаю.

– От отца Диоида я услышал одно старинное предание, – начал рассказывать священник. – Якобы в древние времена некий лесной народ получил в дар от языческого бога возможность менять личину. Эти люди научились оборачиваться в волков. Но с течением веков эта возможность сохранилась лишь у женщин. Они могут иметь лишь одного ребенка и только девочку, так продолжается их род, сугубо по женской линии. И способность к превращению, ставшая проклятием, передается из поколения в поколение. Рано или поздно, в определенный момент своего развития эти женщины обязательно превращаются в волчиц. Но это лишь легенда. А теперь факты. В глухой сибирской тайге была деревня Лаковка. Несмотря на такое имя, там никогда не занимались лаковым промыслом. Такое название деревне дали при советской власти, прежнее властям не очень нравилось. В старые времена деревня называлась несколько иначе – Волкудлаково. Вам не нужно объяснять, кто такой волкудлак? Из этой деревни в свое время уехала прабабка вашей жены, судьба занесла ее на Рязанщину. Туда же много позже попал и отец Диомид. От него же я узнал, что все предки вашей жены по женской линии так или иначе погибали. Ее мать была убита собственным мужем, бабушку односельчане сожгли в бане, прабабку столкнули в прорубь. Ибо всех их считали оборотнями.

– Что?!

Сиверцев уже начал смутно догадываться, к чему ведет священник, и тем не менее чуть не поперхнулся дымом от неожиданности.

– Вы можете верить в это, а можете не верить, – произнес отец Василий. – Мне пришлось поверить.

– Так вы хотите сказать... – начал Сиверцев.

Но отец Василий не дал ему договорить.

– Прошу вас, не перебивайте меня, пожалуйста. Я отлично понимаю, о чем вы сейчас думаете. Я тоже долго был в сомнениях. Их рассеял человек, которому, как мне кажется, вы доверяете. Вернее, доверяли. Это Строев.

– Дядя Степан? – удивленно переспросил Сиверцев.

– Степан Васильевич приходил ко мне накануне смерти. Он первым раскрыл тайну волка-людоеда, выследил его. Все следы людоеда всегда начинались и заканчивались в районе вашего дома. И до вашего приезда сюда нападений волков не было. Но это все косвенные улики. Самое же главное – доктор Поковский как-то брал пробу крови у вашей жены и обнаружил нечто необычное. Доктор не был уверен в результатах анализа, как раз в это время в его лаборатории случилась неприятность. Но среди своих образцов он обнаружил один с необычным составом крови. Я это знаю со слов Степана Васильевича и не могу передать точно, но доктор выявил что-то такое неизвестное науке, что уничтожает все вирусы, микробы и бактерии и поддерживает здоровье организма. Совершеннейший иммунитет. А ведь ваша жена никогда в жизни не болела. И тот единственный случай, когда она обратилась к доктору, мог означать только одно – в ней просыпалась волчица, пришло ее время стать зверем. Строев принес доктору с автобазы щепки, на которых сохранилась кровь хищника. Исследовав их, Поковский обнаружил то же самое, что и в одном из образцов в больничной лаборатории. Желая во всем удостовериться лично, Строев сам пошел ночью к вашему дому. Вы знаете, чем это закончилось. Я не поверил Степану Васильевичу, но по его просьбе выяснил прошлое вашей жены и ее прабабок. Теперь я уже не сомневаюсь, ваша жена – оборотень!

Сиверцев выронил папиросу. Он затряс головой, словно пытаясь вытряхнуть из ушей страшные слова священника и почти закричал:

– Чуть! Такое просто невозможно! Вы сами-то понимаете, что говорите?! Одумайтесь! Это ложь! Чудовищная ложь!

– И тем не менее, как ни дико это звучит, но это так, – произнес священник. – Я бы очень хотел, чтобы все это было нелепой ошибкой. Но сомнениям просто не осталось места. Степан Васильевич был опытным охотником, он взял с собой карабин и был готов убить зверя. Но ни разу не выстрелил, хотя встретил зверя лицом. Мне думается, просто не смог, узнав, что его подозрения верны. Он не смог убить вашу жену. И зверь не разорвал Строева, как всех прочих потому, что тоже узнал старика. Может быть, он, вернее она, даже и не хотела его смерти. Но все случилось, как случилось. А вы сами не замечали за супругой ничего необычного?

– Конечно, нет! – воскликнул Сиверцев. – Что я должен был заметить? Она нормальный человек. Неужели вы думаете, что своей байкой убедили меня? Все вокруг напуганы, вот и сочиняют всякое. И вы туда же. Подумайте сами, как она может рыскать волком по ночам, если спит рядом со мной в одной постели? Или я тоже волк?

Сиверцев вдруг осекся, неожиданно вспомнив странный случай, когда однажды под утро потерял жену.

– Что? – спросил отец Василий, заметив эту заминку. – Что-то было?

– Ничего не было, – несколько резковато ответил Сиверцев.

– Я не знаю, как ей удастся незаметно покинуть дом, – произнес священник. – Возможно, это одно из свойств оборотней. Прорываясь наружу, волчица, вероятно, подавляет волю своей хозяйки и вполне может подавить волю близких ей людей. Ведь вы уже много лет живете вместе и между вами установилась определенная биологическая связь. Вы просто не могли проснуться. Но это мои личные догадки. Вообще же оборотня очень трудно выявить. У него две натуры. Когда волк бодрствует, человек отдыхает и наоборот, поэтому нет усталости. Непонятно лишь,

почему раны, получаемые в волчьем обличе, не проявляются на человеческом теле. Не смог это прояснить и отец Диомид. Я рассказал вам все, что узнал за эти дни. Можете считать меня сумасшедшим параноиком, но я поступил так, как велит мне совесть. Люди продолжают гибнуть и жертв будет все больше, ибо, как предупредил отец Диомид, волчья натура вашей жены со временем окончательно подавит в ней человека, она превратится в зверя. Кто-то должен остановить этот террор. Постарайтесь сами что-либо предпринять. Можете рассчитывать на мою поддержку. Если же вы не сможете или не захотите ничего сделать, я буду вынужден сообщить обо всем властям. Мне, конечно же, никто не поверит и тем не менее я предоставлю на их рассмотрение и эту версию. Прощайте.

Священник направился к калитке, но вдруг обернулся и сказал:

– Подумайте о дочери. Она славная девочка, но... ведь она тоже носит в себе это проклятие.

Сиверцев ничего не ответил.

Выходя за калитку, отец Василий снова обернулся. В окне дома он заметил фигуру. Священнику подумалось, что учительница слышала весь разговор с ее мужем. Поп перекрестился и прибавил шаг.

Сиверцев долго сидел неподвижно. Визит священника внес изрядное смятение в его душу. Он, конечно, не поверил ни единому слову отца Василия, но все же... Страшно даже подумать, что в смерти дяди Степы и многих других земляков могут обвинить его Наташу. Невозможно! Немыслимо! Но как же много свидетельствует против жены. То странное ночное исчезновение, когда она уверяла, что спала и никуда не выходила (уж не лунатик ли она?), панический страх животных при ее приближении, ее устойчивость к болезням и холоду. Много, очень много странностей, о которых раньше как-то и не задумывался. А люди-то все замечают и истолковывают по-своему. Это грозит неприятностями.

Сиверцев снова закурил. Из дома вышла жена.

– Кто это приходил, Коля? – спросила она.

– Да так, – отмахнулся Сиверцев. – Ерунда. Знаешь, Наташка, зря мы сюда приехали. Ладно, пойду дрова доколю.

В этот вечер отец Василий не торопился покидать храм. Стоя перед большой иконой, он возносил молитвы Всевышнему за покой усопших и благополучие живых.

Двустворчатые двери церкви дрогнули. Священник вздрогнул и обернулся. Последовал новый удар, от которого задвижку на дверях вырвало с мясом. В церковь ворвался огромный зверь. Его лютый, полный ненависти ко всему живому взгляд встретился с глазами священника. Зверь казался настоящим порождением ночи, истинным воплощением зла. Человеку не доводилось видеть более жуткого, свирепого создания.

– Изыди! – воскликнул священник.

Сорвав с себя серебряный крест, он вытянул руку вперед, словно пытаясь отгородиться от лютого хищника.

Мощным прыжком зверь бросил свое тело вперед. Крест отлетел в сторону, серебро зазвенело о камень. На лик Спасителя брызнула кровь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сиверцев вернулся домой мрачнее тучи. Сразу с порога он принялся звать жену:

– Наталья! Наташа, где ты?!

Он нашел жену в спальне. Женщина сидела на постели, скорчившись, сжав голову руками. Подняв голову, она посмотрела на мужа тусклым бесцветным взглядом.

– Надо уезжать, – решительно сказал Сиверцев. – Дальше так продолжаться не может.

– Там снова шумят. Что-то случилось? – спросила жена.

– Ночью погиб священник. Убит прямо в церкви. Надо уезжать. Никто не может ничего сделать. Мы все погибнем здесь.

– Нас же не выпустят.

– Ничего, прорвемся как-нибудь. Собирайся.

– Подожди, Коля, – остановила женщина мужа.

Она откинула одеяло. На постели лежал карабин. Женщина протянула его мужу.

– Возьми.

– Это, конечно, тоже заберем, – кивнул Сиверцев, взяв оружие.

– Подожди, Коля, – снова остановила его жена.

– Да чего ждать-то?

– Не надо никуда уезжать, Коля. Нам это не поможет. Ни мне, ни тебе.

– Ты это о чем? – не понял Сиверцев.

– Я знаю, вчера приходил священник. Я стояла у окна и все слышала.

– Ну, тогда сама должна понимать, что нам нельзя здесь оставаться. Люди слишком напуганы, они готовы обвинить во всем кого угодно. Предрассудки в них слишком сильны. Ты для них чужая, да и я... Нас они будут подозревать в первую очередь. И так уже начинают плести разные небылицы.

– Ты заходил в церковь? – спросила жена. – Ты видел его?

Муж кивнул.

– Он лежит на полу перед большой иконой? У него разорвана грудь?

Сиверцев ничего не ответил. Только сейчас он обратил внимание, что жена пребывает в каком-то подавленном состоянии. Отрешенный пустой взгляд, голос, лишенный интонаций, неестественная бледность, все это нельзя было объяснить обычным беспокойством.

– Наташка, ты здорова? – встревожился Сиверцев.

Не ответив, жена тихо произнесла:

– Я видела, как он умирал. Видела. Знаешь, Коля, священник был прав.

– Не понял, – опешил Сиверцев.

– Все, что он говорил, правда. Я и сама не подозревала, как он прав. Но сегодня я вспомнила все.

– Что ты вспомнила?! – воскликнул Сиверцев в недоумении. – Ты что такое говоришь, Наташка?!

– Я вспомнила, как умирал священник, как умирал дядя Степан и другие. Я вспомнила себя, себя другую. Как же это страшно, Коля.

– Ты вообще-то хорошо себя чувствуешь? – осторожно поинтересовался Сиверцев. – По-моему, не очень.

– Я никогда не рассказывала тебе, как потеряла родителей. Много лет назад, еще в Перелюхе, когда я была маленькой девочкой, мой отец зарубил мать. Это случилось ночью. Перед тем, как все произошло, я слышала их разговор, но только сейчас начала понимать, что означали слова отца. В нашем приходе действительно был

священник отец Диомид и от него мой отец узнал, что мать оборотень. И узнал, что и я такая же. Он и меня хотел убить в ту ночь.

– Наташка, да ты что говоришь-то?! – вскричал Сиверцев. – Что с тобой?!

– Подожди, Коля. Всю жизнь меня преследует один и тот же сон. Теперь я знаю, что он означает. Я превращаюсь в волчицу. Не перебивай меня, Коля, выслушай. Клянусь, до сегодняшнего дня я сама ни о чем не подозревала. Но этой ночью я видела, как умирал священник. Я вспомнила, как умирали все они. Умирали от когтей и клыков существа, что рвется из меня наружу. Горько и страшно думать, что именно я виновата в смерти стольких людей, наших друзей, знакомых, дяди Степана. Но все это так. Мне страшно, Коля, мне очень страшно. Я не хочу ничьей смерти, но не могу сдерживать в себе зверя. Волчица сильнее меня. Она зовет меня в лес на охоту и требует крови. Я не могу так больше. У меня нет сил противиться ей.

– Да что это за бред? – прохрипел Сиверцев, отступив в глубь комнаты.

– Помоги мне, Коля. Ты должен остановить волчицу. Сама я не смогу. Я пыталась, но не смогла.

– Ты... Ты в своем уме? Ты что задумала?

– Ты все правильно понял, Коля. Это должен сделать ты.

– Да ты совсем рехнулась! – воскликнул Сиверцев. – Что на тебя нашло?!

– Помоги мне, Коля. Освободи меня от этого проклятия. Помоги мне. Я не могу так больше. Мне плохо, Коля, очень плохо. Сделай это. Иначе никак нельзя. Если ты любил меня, если любишь до сих пор, ты должен сделать это. Так будет лучше для всех. Другого выхода у нас нет.

– Опомнись, Наташка! – прохрипел Сиверцев. – О Настеньке, хотя бы, подумай.

– Позаботься о ней, Коля. Не дай ей стать такой же, как я.

Жена хотела еще что-то сказать, но из горла вырвались лишь хрипы.

Сиверцев побледнел. Вжавшись в стену, он с ужасом смотрел на жену. Женщина изменялась на глазах. Она покрылась серой жесткой щетиной, лицо ее вытянулось. Одежды затрещали по швам, распираемые мощным мохнатым телом. Через мгновение посреди комнаты стоял огромный зверь. Лишь одна черта в жутком облике свирепой волчицы напоминала, что совсем недавно она была человеком – глаза, большие бездонные глаза, полные печали. Но и они быстро утрачивали свою человечность, приобретая выражение лютой жестокости.

Сиверцев машинально вскинул карабин. Вряд ли волчица была готова растерзать человека, с которым прожила столько лет в другом обличье, скорее всего, просто смела бы его с пути и убежала прочь. Но в тот миг, когда она рванулась вперед, палец Сиверцева сам собой нажал на спусковой крючок.

У дома Сиверцевых собрались односельчане. Тихо переговариваясь, они наблюдали, как из дома выносят носилки, покрытые окровавленной простыней, и грузят в машину. Следом двое милиционеров вывели под руки самого Сиверцева. Он пошатывался, был бледен, как полотно, его блуждающий взгляд скользил по лицам окружающих, но, похоже, ничего не видел и никого не узнавал. Сиверцева усадили в другую машину и куда-то увезли.

Тихий молча стоял в дверях спальни, наблюдая за работой криминалистов, когда его окликнул армейский капитан, только что прибывший на место происшествия. Офицер вручил подполковнику пакет.

– Местный участковый обнаружил в церкви. Адресовано вам.

Тихий прошел на кухню. Опустившись на табурет, он разорвал конверт и развернул письмо священника. Перечитав его два раза, подполковник поднял взгляд на капитана, ожидавшего в дверях, провел ладонью по лицу и устало произнес:

– Версия для населения такова – на дом этих людей напал волк, мужчине удалось ранить зверя, но жена его погибла; егеря и солдаты пошли по следу людоеда, когда его прикончат, зароят в лесу.

– Я не совсем понимаю, – опешил капитан.

– Честно говоря, я тоже, – ответил Тихий. – Если Сиверцев придет в себя, может быть, мы и узнаем точно, что здесь сегодня произошло на самом деле. Но, думаю, о волке-людоеде мы в любом случае больше не услышим.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

РОДА

«Чаще всего человек превращается почему-то в волка: этим странным существам придано даже особое название почти у всех народов, причем в самое название входит слово волк или явный его корень.»

М. А. Орлов

«История сношений человека с дьяволом».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Анастасия ходила по комнате, баюкая на руках двух младенцев-близнецов и мурлыча под нос колыбельную. Время близилось к полуночи, а мужа все не было и молодая мама сильно сомневалась, что будет рада возвращению супруга, ибо придет он наверняка, как и вчера, в сильном подпитии.

Их совместная жизнь длилась не больше года, но уже все пошло наперекосяк. После рождения близнецов муж Анатолий вдруг ударился в запой без всякой видимой причины. Начались постоянные ссоры, скандалы. И все это на пустом месте. Позже, протрезвев, Анатолий извинялся и всячески пытался задобрить жену, ибо человек он по своей натуре был неплохой и вполне осознавал собственную неправоту, ничем необоснованное хамство и грубость. Но сколько же мерзости выплескивалось на Анастасию перед этим.

Осторожно, опасаясь разбудить близнецов, девушка уложила обоих в кроватку, сама села рядом, глядя в их пухлые личики. Эти два маленьких человечка – единственная радость, что осталась у молоденькой женщины в ее девятнадцать лет. Все чаще Анастасия оказывалась во власти мрачных дум.

Последнее время она постоянно вспоминала Огнево. Казалось, именно тот роковой переезд в таежное село изменил всю ее судьбу. Там внезапно закончилось безмятежное детство, когда из чащи появилось злобное порождение леса, кровожадный зверь, сеявший смерть. Сколько замечательных людей стали жертвами огромного волка-людоеда. Погибла и мать Анастасии, а отец, ставший свидетелем ее смерти, лишился рассудка и умер в психиатрической лечебнице, так и не придя в себя. Насте даже не позволили свидание с отцом, настолько плох он был. Ей, тогда еще девчонке, повезло – она не увидела всех кошмаров, терзавших по ночам Огнево

и окрестные деревни. Опасаясь за дочь, родители отправили ее подальше, к бабушке с дедушкой. Больше Настя в Огнево не вернулась, просто не к кому стало возвращаться.

Через несколько лет после тех страшных событий умерли старики, родители отца, и Настя осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Судьба занесла ее в этот большой провинциальный город. Здесь она познакомилась с Анатолием. Нельзя сказать, что молодые люди полюбили друг друга, скорее это был мимолетный роман, случайное увлечение. Но в конце концов их отношения зашли столь далеко, что Анастасия оказалась в положении. Она не пожелала избавляться от беременности, хотя и понимала, что теперь придется бросить институт, в котором не успела проучиться и месяца, и отказаться от связанных с обучением планов на будущее. Анатолий же, следовало отдать ему должное, оказался человеком порядочным. Он не покинул Анастасию, не испугался ответственности. Молодые люди поженились и даже получили квартиру от завода, где работал Анатолий.

И вроде бы все было хорошо, по крайней мере, не хуже, чем у других. Но вот на свет появились близнецы Витя и Ирина и жизнь изменилась не в лучшую сторону. Это произошло как-то незаметно для Анастасии. Просто изо дня в день муж все более замыкался в себе, становился чужим. Возможно, его тяготило то обстоятельство, что пришлось связать жизнь с нелюбимой женщиной, с которой его связало еще больше рождение детей. Возможно, он даже полюбил другую, но не считал себя вправе бросить семью. Анастасия не понимала, в чем дело. Все чаще муж задерживался где-то допоздна, потом начал пить. Жизнь для обоих все более превращалась в тягостное существование.

Щелкнул замок входной двери. Даже из комнаты Анастасия учуяла запах спиртного, муж опять был пьян. Через полминуты он сам ввалился в комнату.

– Привет, – буркнул Анатолий. – Чего не спишь?

– Тебя жду, – ответила жена.

– Дождалась. Довольна?

Анастасия поняла, муж не в лучшем расположении духа и настроен на грубость.

– Пришел и ладно, – мягко сказала она. – Есть будешь?

– Сыт уже. По горло.

Анатолий сел в кресло, сбросил с ног грязные ботинки. Анастасия молча убрала его обувь в прихожую.

– Ну что ты за человек? – недовольно проворчал муж. – Хоть бы слово поперек сказала. Так нет, терпишь, молчишь, как будто так и надо. Ведь вижу, что не по душе я тебе. Ну, поругайся хоть.

– Зачем? – спокойно спросила Анастасия.

– Надо! – рявкнул Анатолий. – Молчишь все, как мышь, думаешь там всякое. Нет, ты прямо скажи все, что думаешь.

– Тише, – попросила Анастасия. – Детей разбудишь. Они сегодня долго не засыпали, я их целый час убаюкивала.

– Ничего им не делается, – отмахнулся муж. – Проснутся, снова уложишь. Чего тебе еще делать? Сидите на моей шее, три дармоеда, корми вас.

Он встал и отправился в кухню, пошатываясь на ходу.

– Куда девала? – послышался оттуда его злой голос.

Анастасия прошла к нему.

– Там же, где и всегда, – сказала она. – Посмотри в шкафчике. Кроме тебя твоя бутылка не нужна никому.

– Как же, – пробурчал Анатолий. – Даже дома никому нельзя доверять, только и смотрите в мой карман.

Достав бутылку, он плеснул в стакан и опорожнил его одним махом. Анастасия, стоя в дверях, молча наблюдала за ним. Заметив ее неодобрительный взгляд, муж рывкнул:

– Чего уставилась?!

– Прекращал бы ты, Ковалев, – спокойно сказала Анастасия. – Завязывай с этим делом. Хотя бы ради детей.

– Надо будет, завяжу. Не твое дело. А мелюзгой мне в глаза не тычь. Еще неизвестно, чьи они. Может, и не мои вовсе.

Это было ново. Спьяну муж нес всякую околесицу, но в измене Анастасию еще никогда не обвинял.

– Совсем сбрендил?! – возмутилась девушка. – Ты что плетешь?!

– Ага, зацепило! – злорадно ухмыльнулся Ковалев. – Не нравится!

– Чушь всякую мелешь. Ложись лучше спать.

– А чего это ты меня уложить торопишься? Или я прав насчет близнецов? Не мои? Чьи же тогда?

– Прекращай, Ковалев! – потребовала жена. – Это уже не шутки.

– Да какие уж тут шутки. Нагуляла где-то двойню, а меня в оборот взяла. Теперь майся с вами.

– Я ни о чем тебя не просила, – напомнила Анастасия.

Но Ковалев уже завелся на полные обороты и не желал ничего ни слушать, ни вспоминать.

– Отвечай, сучка, с кем этих ублюдков прижила?! – рывкнул он, потряхнув жену за плечи.

– Уймись.

Анастасия оттолкнула его. Ковалев покачнулся, взмахнув рукой. Может быть, он и не хотел этого, но ударил жену. Кулаком. В лицо. Это было уже слишком. Анастасия привыкла за последнее время к угрозам мужа, его нелепым обвинениям, от него можно было ожидать любой глупой выходки. Но никогда еще он не позволял себе поднять руку на жену, как бы ни был пьян.

Анастасия вспыхнула от возмущения и обиды, в душе все перевернулось. Если бы в этот момент в ее руке оказалась сковородка, она, наверное, проломила бы Ковалеву голову. Он и сам испугался случившегося. На мгновение даже показалось, что это его протрезвило. Но уже через пару секунд он грубо оттолкнул жену в сторону и ушел в комнату, пробурчав на ходу:

– Да пошла ты, дура.

Анастасия тяжело опустилась на табурет и низко склонила голову. Левая сторона лица горела от удара, за ночь наверняка расплывется синяк. Но гораздо сильнее душу жгла обида. Чем заслужила она такое отношение к себе? Да, не любила она мужа, никогда не любила. Как, впрочем, и он ее. Но ведь уважала как человека. А человек этот опускается на глазах, превращается в настоящую скотину. Уже и не вспомнить, каким он был, на памяти лишь подлости и мерзости, что пришлось вытерпеть за последнее время. Но сколько же можно терпеть? Когда закончится это издевательство? И как жить с этим человеком дальше? Сегодня муж ударил ее, а завтра может поднять руку и на ее детей. Усомнился же он с чего-то в своем отцовстве, теперь можно ожидать всякого. Ну уж нет, этого Анастасия ни в коем случае не допустит.

Девушка решительно поднялась и прошла в комнату. Ковалев спал на кровати прямо в одежде, раскинув руки. Почему-то именно сегодня он выглядел более омерзительно, чем обычно. Настолько, что Анастасия не задумываясь стянула с пальца обручальное кольцо и бросила его на грудь мужа. Нет, больше она не будет терпеть.

Девушка принялась лихорадочно собирать свои вещи. Ничего лишнего, только самое необходимое. Одевшись, Анастасия подошла к кровати, осторожно, стараясь не разбудить, взяла близнецов на руки. Детей она этому алкоголику ни за что не оставит, уйдет вместе с ними.

С презрением взглянув в последний раз на человека, с которым так неосмотрительно связала свою жизнь, Анастасия вышла из комнаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анастасия сидела в парке на скамейке. Кажется, она опять сделала большую глупость, поддавшись душевному порыву. Решение было принято слишком поспешно. Ну ушла она от мужа, да еще и с детьми. А дальше что? Куда идти-то? Во всем городе ни друзей, ни знакомых, не говоря уже о родственниках, их вообще никого не осталось. Единственное пристанище – эта скамейка, и ночь, судя по всему, придется провести здесь. Благо, что погода теплая, не дождливая. Но придет утро, а идти будет по-прежнему некуда. Не возвращаться же назад, как побитой собаке.

Но что же все-таки делать? Ведь она совсем одна в этом чужом, почти незнакомом городе, да еще с двумя младенцами на руках. К свекрови тоже не пойдешь, та свою невестку не жалует, такое впечатление, что считает ее виновницей всех бед сына. Да и Ковалев без труда ее там отыщет.

Безвыходность ситуации породила отчаяние. От жалости к самой себе, наворачивались слезы на глаза. Обняв близнецов, Анастасия склонила голову и закусила губу до боли, чтобы не разрыдаться.

Издали послышался звук шагов. Анастасия лишь ниже склонила голову. Мало ли, кто там шляется по ночам, ей нет до этого никакого дела, своих забот хватает.

Шаги все приближались. Кто-то прошел мимо, совсем рядом, но вдруг остановился и вернулся обратно.

– С вами все в порядке? – услышала Анастасия мужской голос.

Не поднимая головы, девушка кивнула.

– Вы уверены?

Анастасия подняла глаза, посмотрела на незнакомца. Насколько позволял разглядеть свет луны и далеких фонарей, это был молодой человек, вряд ли старше ее самой.

– Ни в чем я не уверена, – вырвалось у Анастасии.

Она даже сама услышала слезы в собственном голосе, все-таки была близка к тому, чтобы расплакаться.

– Что вы здесь делаете? – спросил незнакомец.

Анастасия ничего не ответила, лишь снова склонила голову.

– Почему вы здесь сидите? – продолжал спрашивать молодой человек. – Вам некуда идти?

– Вам-то какая разница? – устало отозвалась Анастасия.

– Извините, – молодой человек явно смутился. – Это, конечно, не мое дело, но мне показалось странным, что молодая женщина с двумя детьми сидит ночью в парке.

– Вы тоже здесь ночью оказались, – заметила Анастасия. – Я же не вижу в этом ничего странного.

– А я с вокзала иду, маму провожал, – откровенно и несколько наивно ответил незнакомец.

– Проводили? Тогда идите домой. Оставьте меня, пожалуйста.

– А вот вам, похоже, идти некуда.

– С чего вы это взяли?

Хотя незнакомец безошибочно определил, в чем дело, Анастасия не хотела признавать перед ним то очевидное и незавидное положение, в котором оказалась. Слишком мало встречала она в жизни искренних отзывчивых людей, чтобы откровенничать с первым встречным.

– Мы просто вышли подышать воздухом, – произнесла Анастасия.

– А мне почему-то так не кажется, – усомнился молодой человек. – Но если не хотите об этом говорить, дело ваше.

– Не хочу, – сказала Анастасия.

Незнакомец пожал плечами.

– Что ж, извините, что помешал.

Он пошел было прочь, но все-таки остановился и спросил напоследок:

– Вам точно не нужна помощь?

– Вы ничем не сможете мне помочь, – прошептала девушка, покачав головой.

– Ну, как знаете. Всего хорошего.

Попрощавшись, незнакомец быстро пошел по аллее к выходу из парка. Вслушиваясь в звук его удаляющихся шагов, Анастасия вдруг всхлипнула, так горько стало на душе. От отчаяния захотелось выть на луну по-волчьи. Да, ей очень нужна помощь, но как трудно заставить себя признаться в этом, да еще кому-то постороннему, совсем незнакомому человеку. Да и чем помог бы ей этот парень? Разве смог бы он обратить время вспять, чтобы можно было исправить все ошибки, избежать собственных глупостей, изменить всю жизнь?

Снова послышались шаги.

– Вы плачете? – услышала Анастасия все тот же голос.

Подняв голову, она увидела перед собой недавнего собеседника.

– Почему вы вернулись? – спросила Анастасия.

– Я не могу вас здесь оставить. Поднимайтесь, идемте ко мне.

– Зачем? – насторожилась девушка.

– Ну, не здесь же вам ночевать. Если не заботитесь о себе, подумайте хотя бы о своих детях. Не хотите говорить, что с вами случилось – не надо. Но бросить вас здесь, под открытым небом, я не могу. Завтра будете решать свои проблемы, а сегодня переночуете у меня. Я остался один в двухкомнатной квартире, мама уехала в санаторий, так что места хватит. Да не бойтесь, я не бандит. Пойдемте. Дайте мне детей, я вам помогу.

– Но мы ведь даже незнакомы, – растерянно пробормотала Анастасия, совершенно сбита с толку решительностью незнакомца.

– Так давайте познакомимся. Меня Володей зовут. А вас?

– Анастасия.

– Вот и познакомились. Пойдемте, Настя.

Не оставляя ей времени на размышления, Владимир чуть ли не силой заставил девушку подняться. Он осторожно, но решительно взял детей на руки и повел Анастасию за собой.

Через несколько минут они пришли к пятиэтажной «хрущевке», поднялись на второй этаж. На площадке Владимир передал детей Анастасии, открыл дверь и пригласил девушку в квартиру. Проводив ее в комнату, юноша указал на широкую кровать:

– Располагайтесь. Надеюсь, вам здесь будет удобно.

В этот момент маленький Витя проснулся и пискнул. Иришка тоже зашевелилась.

– Я должна покормить их, – смущенно сказала Анастасия.

– Конечно-конечно.

Владимир вышел, предоставив Анастасии самой позаботиться о детях. Через полчаса, когда оба младенца уже снова спали и девушка сама готовилась ко сну, он осторожно постучал в дверь.

– Настя, вы еще не спите?

– Что вам нужно? – испуганно спросила Анастасия.

Сразу подумалось самое худшее. Все-таки она оказалась в чужой квартире, ночью, с совершенно незнакомым мужчиной. Сейчас может произойти все, что угодно.

– Вы, наверное, голодны, – предположил Владимир, все так же деликатно оставаясь за дверью. – Пойдемте на кухню, поужинаем вместе.

Первым желанием Анастасии было отказаться, но желудок действительно уже настойчиво напоминал о себе, заглушая тревогу.

– Хорошо, – ответила она.

Через пару минут Анастасия пришла на кухню. Владимир усадил ее за стол, поставил перед ней блюдо и стакан с чаем.

– Кушайте, пожалуйста.

Анастасия принялась за еду, стараясь не показаться слишком жадной – голод, обостренный недавним нервным потрясением и переживаниями за свою дальнейшую судьбу, и в самом деле был очень силен. Заметив на себе пристальный взгляд Владимира, она смутилась.

– Почему вы так смотрите?

– Скажите, вы замужем? – осторожно поинтересовался Владимир.

– Да, – невесело ответила Анастасия, тяжело вздохнув. – Почему вы спросили?

– Это он сделал? – снова спросил Владимир.

– Что? – не поняла Анастасия.

– У вас синяк здоровенный и вся щека опухла.

Анастасия закусила губу и опустила голову. Она совсем забыла о последствиях того удара, даже не придавала значения болезненному ощущению. Ну и видок у нее сейчас, должно быть.

– Извините, – пробормотал Владимир, смущенный своей некорректностью. – Да вы кушайте, кушайте.

Поздний ужин прошел в молчании. Анастасия первой встала из-за стола и стала собирать посуду.

– Нет-нет, оставьте, – потребовал Владимир. – Я сам все помою. Идите спать, вы, я вижу, очень устали. Да и дети там одни.

Он быстро собрал тарелки, опустил их в раковину, включил воду. Анастасия послушно направилась к выходу, но в дверях остановилась и, обернувшись, вдруг произнесла:

– Да, это сделал он.

Забота и чуткость этого совершенно постороннего человека тронули ее сердце, внезапно растопив лед отчуждения и настороженности. Плотина долго сдерживаемых слез рухнула и Анастасия разрыдалась, закрыв лицо руками.

Владимир растерялся. Приблизившись к госте, он нерешительно обнял ее за плечи и пробормотал, пытаясь успокоить:

– Ну что вы. Не надо. Все образуется. Все будет хорошо.

– Нет, не будет, – вырвалось у Анастасии сквозь слезы.

Спрятав лицо у него на груди, девушка принялась сбивчиво рассказывать о своей нелепой жизни. Ей было неважно, понимает ли Владимир ее бессвязную речь, прерываемую всхлипами, главное – выговориться, излить всю горечь души человеку, способному посочувствовать и утешить. Как давно она не чувствовала себя так уютно и защищено в чужих объятиях, с тех самых пор, как потеряла мать.

Владимир молча слушал. Он просто не знал, что сказать, настолько растерялся от этого неожиданного всплеска эмоций. Он лишь нерешительно гладил ее по плечу, пытаясь хоть как-то утешить девушку. А она все говорила и говорила. Она не жаловалась на судьбу, ни о чем не просила, просто рассказывала о всех своих неурядицах, что случились за последние годы, с тех пор, как осталась одна.

Наконец, выговорившись, Анастасия немного успокоилась. На душе сразу стало легче, будто сбросила часть тяжелого груза, что давил постоянно.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем, – произнес Владимир. – Обязательно. Все будет хорошо, Настя. Я вам обещаю.

Всхлипнув последний раз, Анастасия отстранилась от него и, вытирая слезы ладонями, смущенно пробормотала:

– Извините меня, пожалуйста. Это все нервы.

– Ну что вы, я ведь все понимаю, – успокоил ее Владимир. – Не стоит извиняться.

– И все равно простите. Пожалуй, я пойду спать. Я очень устала.

– Да-да, конечно. Отдыхайте.

Взглянув в его растерянное и от этого чуть глуповатое лицо, Анастасия улыбнулась и тихо сказала:

– Спасибо, что приютили нас. Завтра мы уйдем. Вернее уже сегодня.

– Ну что вы! – воскликнул Владимир. – Можете оставаться здесь, сколько понадобится. Я все равно здесь сейчас совсем один, мама только через месяц вернется. А за это время у вас все наладится. Мы обязательно что-нибудь придумаем. А пока живите здесь, места хватит. Да и мне веселее.

Анастасия ничего не ответила и вышла из кухни. Но у двери в комнату она все-таки остановилась и, обернувшись, сказала:

– Вы добрый, Володя. Очень добрый. Как в сказке.

Владимир смущенно пожал плечами и, почесав макушку, ответил:

– Мне все говорят, что я тюфяк.

– Нет, – Анастасия покачала головой. – Вы просто очень добрый. Я даже не думала, что такие люди еще есть на свете.

Владимир снова пожал плечами и попытался пошутить:

– Ну, значит, мы еще не все вымерли.

Анастасия чуть улыбнулась и прошептала:

– Да, не все.

– У вас красивая улыбка, Настя, – заметил Владимир.

– Могу себе представить, – вздохнула девушка, коснувшись пальцами опухшей щеки.

– Нет, честно. Вам надо чаще улыбаться.

Анастасия неопределенно пожала плечами и попрощалась:

– Спокойной ночи, Володя.

– Спокойной ночи, Настя, – ответил Владимир.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Владимир вернулся домой, нагруженный авоськами с продуктами. Оставив все на кухне, он прошел в комнату. Анастасия неподвижно сидела в кресле, поджав ноги под себя, и, как показалось, слушала негромкую музыку, что лилась из радиорепродуктора.

– Что слушаем? – бодро спросил Владимир.

Анастасия вздрогнула.

– Ой, вы уже вернулись. А я и не заметила, задремала немного. Вы что-то спросили?

– Я говорю: что-то интересное по радио передают?

– Да нет, – ответила Анастасия, пожав плечами. – Просто новости местные слушала. Говорят, недавно на окраине видели двух волков. Предупреждают, чтобы все были осторожны.

– Я тоже это сегодня слышал, – кивнул Владимир. – Странно, с чего бы это волки в город полезли? Их тут и в деревне-то даже зимой не встретишь. Не беспокойтесь, мы почти в центре живем, уж сюда-то они точно не осмелятся забраться.

– Да я и не боюсь.

Анастасия взглянула в окно и задумчиво-печально произнесла:

– Просто не люблю волков.

По тону ее голоса Владимир догадался, что это для девушки болезненная тема, поэтому прекратил разговор.

– Пойду займусь ужином, – сказал он и вышел из комнаты.

Вскоре на кухню пришла Анастасия.

– Предоставьте эти хлопоты мне, – потребовала она, отбирая у Владимира фарфур. – Это все-таки женское занятие. А то я тут у вас совсем как иждивенка. А вы отдыхайте.

– Да от чего мне отдыхать?! – воскликнул Владимир. – Сейчас же лето, я не учусь. Отпуск у меня, каникулы.

– Вы вроде бы собирались устроиться на временную работу, – напомнила Анастасия.

– Да, сегодня был на станции, уже договорился, – ответил Владимир. – Согласны взять грузчиком. За лето хоть подзаработаю немного. Но на работу мне только через два дня, пока я свободен. А что касается домашних хлопот, давайте займемся этим вместе. Вы поможете мне, а я вам. Идет?

– Идет, – улыбнулась Анастасия.

Объединив усилия, молодые люди занялись готовкой. Владимир украдкой наблюдал за девушкой. За несколько дней, что она жила с детьми у него, синяк сошел с ее лица и просто невозможно было не отметить редкую красоту Анастасии. Первое впечатление, которое она произвела там, в парке, когда он впервые увидел ее почти в полной темноте, не обмануло. Настолько потрясающе красивой девушки Владимиру еще никогда не доводилось встречать. Одни только черные пронзительные глаза чего стоили. А кроме того у нее оказалась добрая нежная душа, чем очень редко, как знал Владимир по небогатому личному опыту, обладают кра-

сивые девушки. Он чувствовал, что влюбляется в свою гостью. Да и кто бы устоял на его месте? Однако это обстоятельство вселяло тревогу в его сердце. Владимир опасался, что вдруг потеряет голову от обуревающих его чувств и ненароком обидит девушку. Да и встретились они слишком поздно, ведь она уже замужем. Пусть ее муж порядочная скотина, но все-таки законный и у них двое детей. Для Владимира это являлось серьезным препятствием, чтоб хотя бы попытаться ухаживать за девушкой, он не мог позволить себе разбить чужую семью. Покинуть ей мужа навсегда или нет, решать самой Анастасии.

После ужина девушка ушла к детям. Через некоторое время Владимир заглянул в комнату.

– Спят? – спросил он, посмотрев на сопящих близнецов.

Анастасия кивнула.

– Спокойные у вас дети, – отметил Владимир.

– Да, – с улыбкой ответила девушка. – Хоть в этом мне повезло.

Владимир немного помолчал, потом нерешительно спросил:

– Скажите, Настя, как вы собираетесь жить дальше?

– В каком смысле?

– Ну... – Владимир смущенно потерев нос, не зная, как лучше выразить свои мысли. – Вы вернетесь к мужу?

– Если мы вас стесняем, вы только скажите и мы сразу уйдем, – по-своему поняла его девушка.

– Нет-нет, я совсем не это имел в виду, – поспешно сказал Владимир. – Просто надо ведь что-то решать. Я так понял, вы его не любите.

– Я не знаю, что мне делать. Мы с Ковалевым действительно никогда не любили друг друга. Но раньше он был совсем другим, не таким, как сейчас.

– Может быть, вам развестись, – осторожно намекнул Владимир.

– Не знаю, – устало ответила Анастасия. – Я ничего не знаю. Как развестись? Ведь у нас дети, это и его дети тоже. Да и разведемся мы, куда я потом с ними? Ни жилья, ни родни, ни знакомых.

– А я?! – воскликнул Владимир. – У вас есть я!

Девушка улыбнулась.

– Вы хороший, Володя. Хороший и добрый. Но согласитесь, это как-то неудобно, да и неприлично, что посторонняя молодая женщина живет у молодого человека. Что люди скажут? А как воспримет это ваша мама, когда вернется? Я и так чувствую себя не в своей тарелке, злоупотребляю вашей добротой. Повесилась на вашу шею с двумя детьми. А вам ведь еще учиться надо, о своем будущем думать.

– Моей учебе вы не мешаете, – беспечно ответил Владимир. – А люди ничего не скажут. И мама все поймет.

Анастасия снова улыбнулась.

– Вы слишком просто решаете все проблемы. А жизнь гораздо сложнее. Я так не могу. Не считайте, что я смирилась со своим положением, я день и ночь думаю о том, как разрешить ситуацию. Чтобы получить жилье, придется устроиться на работу. А куда их девать? Я знаю, что вы хотите сказать, но это для меня не выход. Пока я не могу ничего придумать. Все слишком сложно.

– Но ведь придется что-то решать. Неужели вы сможете дальше жить с нелюбимым человеком, который поднял на вас руку и может поднять еще раз? А что будет с детьми? Вдруг он и их начнет избивать? Об этом вы подумали?

– Прекратите, пожалуйста, – тихо, но решительно потребовала Анастасия.

– Извините, – сразу смутился Владимир.

Действительно, какого черта он лезет в чужую жизнь? Надо же было проявить такую чудовищную бестактность. Все-таки не сдержался. Что с того, что эта молоденькая женщина нравится ему? Еще неизвестно, какие чувства питает к нему она. Может быть, никаких, кроме благодарности. Сделал для нее, что мог, и успокойся, оставь свои советы при себе.

– Я обязательно все обдумаю и что-нибудь решу, – устало пообещала Анастасия. – Только не сейчас, чуть позже. Хорошо?

– Дело ваше, – ответил Владимир. – Извините, что завел этот разговор.

– Ничего.

Девушка накинула на плечи плед и поежилась.

– Вы себя хорошо чувствуете? – обеспокоенно спросил Владимир. – По-моему, вы сегодня чересчур бледны.

– Нет, не беспокойтесь. Мне действительно немного нездоровится, но ничего серьезного. Простудилась, наверное. В первый раз за все девятнадцать лет.

– Что значит «в первый раз»? – не понял Владимир.

– Ну, заболела впервые, – пояснила Анастасия. – До сих пор ни разу даже насморка не было.

– Так не бывает, – не поверил Владимир.

– Никто не верит, – ответила девушка, пожав плечами. – Но, видимо, бывает и такое. Это фамильная черта, мама тоже никогда не болела.

Вспомнив мать, Анастасия тяжело вздохнула и умолкла. В этот момент прозвучала трель дверного звонка. Владимир вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Анастасия забралась на кровать, прилегла рядом с близнецами. Ей действительно очень нездоровилось сегодня – с полудня началось головокружение, часто подкатывала тошнота, знобило. Состояние было непривычное, и в самом деле до сего дня не довелось чихнуть ни разу. Даже во время беременности Анастасия не имела повода жаловаться на здоровье. Вдобавок ко всему на душе было как-то беспокойно, с каждой минутой нарастала смутная тревога, словно интуитивно чувствовалось приближение чего-то страшного, неведомого.

Девушка прислушалась к неясным голосам за дверью. Разговаривали двое мужчин и, судя по тону, беседа происходила совсем не дружеская. Один из них был Владимир. А вот другой... Анастасии вдруг показалось, что это Ковалев. Сердце учащенно забило в тревоге, кровь ударила в виски. Неужели муж сумел разыскать ее? А собственно, так ли уж трудно ее найти? Дом Владимира в пяти кварталах от дома Ковалева, она же гуляла с детьми, ее видели много людей. Мог увидеть и кто-нибудь из приятелей мужа, проследить и сообщить ему. Может быть, он одумался и пришел просить прощения. Или наоборот, получил подтверждение своих нелепых подозрений. Как бы то ни было, видимо, придется объясниться прямо сейчас.

Анастасия поднялась с постели и открыла дверь.

Да, это оказался он, Ковалев. И не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы сразу догадаться – муж пьянее вина. Он кое-как стоял на ногах, коридор заполнил запах перегара.

– А-а, вылезла из норы, шалава, – со злобой произнес Ковалев, увидев жену.

– Здравствуй, Толик, – спокойно сказала Анастасия. – Зачем ты пришел, да еще в таком виде?

– Я в нормальном виде! – рявкнул муж. – А ты, сука, совсем охренела?! При живом муже с хахалем кувыркаешься! Опозорить меня хочешь, стерва?!

– Эй, товарищ, попридержите язык, – потребовал Владимир.

– Сам заткнись, щегол. С тобой мы потом еще разберемся.

– Ты сам себя позоришь, Анатолий, – сказала Анастасия. – Посмотри, в кого ты превратился. Животное, а не человек.

– Я те покажу животное, сучка блудливая. Мало тебе тогда досталось? Сейчас я тебе ноги поломаю, потаскуха!

Ковалев потянулся было к жене, но Владимир удержал его, схватив за ворот.

– Убери руки, козел! – прохрипел Ковалев.

– Ступайте-ка вы домой, товарищ, – сказал Владимир, подталкивая непрошеного гостя к открытой двери. – Проспитесь. Когда будете трезвым, приходите. Тогда и поговорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.